

Альманах

Первоначальные
древние тексты

Альманах

Первоначальные древние тексты

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

Составитель книги Макс Коэн

Кто мы? Откуда? Зачем мы здесь?

Чтобы познать истинное происхождение, суть и смысл своего бытия, нужно вернуться в самое начало.

В книге представлены самые первые на земле тексты, о сотворении мира и других важных моментах истории.

Истина всегда в первоисточнике. Что может быть важнее чем знать цель и смысл жизни?

Познать все это — святая и главная обязанность, которая также является частью сути прибывания на земле. Мы все здесь не просто так.

Прочти эти тексты и вспомни зачем пришел сюда...

12+

ISBN 978-5-4483-7975-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Оглавление

[Альманах](#)

[Альманах](#)

[Первоначальные древние тексты](#)

[Подсказка](#)

[Евангелие от Матфея 7:7: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам.»](#)

[Энума элиш](#)

[Эпос о Гильгамеше](#)

[ЭнКи и мировой порядок](#)

[ЭнКи и НинМах](#)

[ЭнКи и НинХурсаг](#)

[Справочник в алфавитном порядке](#)

[Ану](#)

[Ануннаки](#)

[Аншар](#)

[Апсу](#)

[Аруру](#)

[Белет-Цери](#)

[Вэр](#)

[Гильгамеш](#)

[Дамкина](#)

[Думузи](#)

[Ирнина](#)

[Иштар](#)

[Ишуллану](#)

[Ки](#)

[Кингу](#)

[Кишар](#)

[Лахама](#)

[Лахму](#)

[Мардук](#)

[Мумму](#)

[Нин](#)

[НинМах](#)

[НинСун](#)

[НинУрта](#)

[Сумукан](#)

[Тиамат](#)

[Ур](#)

[Урук](#)

[Ур-Шанаби](#)

[Хумбаба](#)

[Шамаш](#)

[Эа](#)

[Эана](#)

[Эгальмах](#)

[Эн](#)

[ЭнЛиль](#)

[Эрешкигаль](#)

[Эриду](#)

[Знать больше](#)

[06.02.2017](#)

[КТО В ДУХЕ — В ТОМ ДУХ](#)

OMNIBUS

Альманах

Первоначальные древние тексты

Альманах — это астрономический календарь.

Именно в названии кроется ключ к древним шумерским текстам, собранным для вас в единую книгу, которую, в данный момент, вы читаете. Фактически в ваших руках сейчас и дверь и ключ. Это дверь в измерение высшего порядка. Сможете ли вы постичь тайну переданную Богами? По крайней мере, возможность такая вам дается. Запомните — все в ваших руках. Сокрытого не существует.

Тексты, представленные в книге, являются самыми древними в нашем мире и повествуют о начале его сотворения. О том, кем были те, кто создал наш мир. Их имена, эпитеты и истории. Их значение и назначение. О том, кого сегодня, в разных странах, религиях и под разными именами, мы называем единым Богом.

Основное назначение данного сборника древнейших текстов о Боге ЭнКи (в вавилонских рассказах — Эа), это объединить разрозненную по всему миру и в различных источниках, информацию воедино и донести ее в максимально компактном и пригодном для усвоения виде, не исключив истинных деталей — читателю. Который в свою очередь, просто обязан знать историю человечества, смысл бытия и зарождения нашей цивилизации, а также причины появления и цели мировых религий.

Если библейские истории известны человечеству уже несколько тысячелетий, то эти тексты были найдены и преданы широкой огласке, буквально недавно. Фактически переводы основных известных на сегодняшний день шумерских эпосов и сказаний, датируются плюс-минус, столетней давностью. Что по меркам всей истории человечества, ничтожно для глубокого осмысления, написанного в них и соответственно радикального переосмысления происходящего, все эти тысячелетия в мире, в котором мы пребываем. Людям всегда тяжело менять что-то. Привычки и лень так сильно держат и не отпускают к новым горизонтам. Тем более если эти вещи и значения фундаментально укрепились в головах. А тем более, если их так сильно, а порой и насильно, насаживают как единственно приемлемый сценарий, отступление от которого на протяжении той самой истории, карается смертью.

Бессмертие

Но смерти нет, она лишь ложь
Прочтя о ней, ответ найдешь
Отбросив в мусор прежний страх
О прошлых вспомнишь временах
И только прошлое познав
Прочтя, все до единой, глав
Увидишь будущего свет
Иного варианта нет

В одном из сказаний, приведенных в данной книге, под названием «ЭнКи и мировой порядок», можно прочесть историю Бога с его собственных слов. Он начинает свое повествование с того, что сообщает людям, кем он является: владыка всех превзошедший властью своей, повелитель земли, лугаль (царь) всех вождей и отец всех земель, вождь ануннаков, первенец верховного Ана и другие эпитеты.

В рамках выделены некоторые титулы Бога ЭнКи.

Так сказал тот, кто на тысячи лет, был раньше библейского Бога Элохима. Неужели логически так уж трудно догадаться, кто является первоначальным Богом, сотворившим людей? Ведь расстояния между этими текстами исчисляется тысячелетней разницей. Кто был первоначальнее? Тот, кто был ранее или тот, кто был позже? Иной раз ответы лежат на поверхности, но люди не желают их видеть и принимать в силу того, что уже смирились с другими ответами, иногда бывает и ошибочными и менять всю структуру своих знаний подчас как минимум лень, а как максимум страшно. Так тьма овладевает умами. Но если сделать несколько несложных, но очень важных шагов, то можно проснуться и увидеть свет. Ибо он есть жизнь. Если учесть, что Пятикнижие Моисея, а равно как и Библия, заимствовали шумерские рассказы о сотворении мира и другие, можно предположить что и самого Бога позаимствовали, точно так же, дав ему иное Имя, а точнее эпитет Элохим. Обо всем этом можно и нужно узнать, прочтя самостоятельно, представленные в данной книге повествования, сравнив их с библейскими рассказами. Не трудно будет понять, где кроется первоисточник так похожих друг на друга текстов. А поняв это, ваша логика сама даст вам ответы — кто сотворил мир и как истинное Имя Бога. И верны ли тексты современных религий.

Также, важно и интересно, будет прочесть Эпос о Гильгамеше. Он является самым ранним и величайшим литературным произведением в мире, которое было написано на первом, Божественном для человечества языке — клинописью.

Самые древние из сохранившихся частей эпоса, датируются третьим тысячелетием до нашей эры. Хотя известно, что они также были переписаны с более ранних текстов, написанных шумерской цивилизацией.

Для более полного понимания происхождения данного рассказа, нужно добавить что Эпос о Гильгамеше (О все видавшем), составлен из нескольких различных текстов, принадлежащих разным цивилизациям и в разное время. До наших дней дошли несколько разрозненных и неполных вариантов этого сказания. На данный момент известно о трех источниках с аналогичными текстами эпоса: Старовавилонская версия, Периферийная версия и Ниневийская версии. Объединив их, путем наложения текста одного повествования на отсутствующую часть другого повествования, мы и получили эпос, в наиболее полном объеме, который вы сможете лицезреть теперь самостоятельно. Так как объем текста был велик, потребовалась достаточная площадь для нанесения всего повествования. К сожалению, таблички, на которых он располагался, сохранились не полностью. Часть из них утеряна безвозвратно, другая часть разбита на части, которые также не поддаются чтению. При прочтении, необходимо знать, что текст Эпоса о Гильгамеше, а равно как и других рассказов приведенных в книге, не являются полными, даже после сложения всех найденных экземпляров. Части стихов попросту не хватает до сих пор. Но даже исходя из того что мы имеем на сегодняшний день, можно почерпнуть достаточно необходимой для просветления информации. Цель совмещения всех трех Эпосов о Гильгамеше в один, была в том, чтобы донести сквозь тысячелетия полный текст повествования, при максимально возможном сохранении первоначального смысла. Данный рассказ передает истинный смысл происходящего в самом начале цивилизации, последнего человеческого цикла.

Также стоит заметить, что главный герой эпоса, Гильгамеш, отнюдь не является вымышленным персонажем, как могли изначально подумать некоторые читатели. В связи, с чем и не придавали этим рассказам особой ценности. В списке царей шумера и аккада, существует реальный царь, того самого города Урука, которым правил герой эпоса, с аналогичным именем Гильгамеш. Который по всем своим параметрам в точности совпадает с исторической личностью.

I династия Урука

XXXIX—XXVI вв. до н. э.

Правитель	Эпитет	Приблизительные даты	Комментарий
Гильгамеш	«чей отец был призраком (?), господин Кулаба»	ок. 2600 лет до н. э.	Согласно Эпосу о Гильгамеше, современник Агги из Киша ^[5]

Снимок экрана Википедии, на странице «Список царей Шумера и Аккада».

Также, читателю станет известно, что Утнапишти, поиск которого и был главной целью Гильгамеша, и есть тот самый библейский Ной, который спасся в ковчеге вместе с семьей и обрел бессмертие.

Допотопные (додинастические) цари

Правитель	Комментарий
Алулим	Царствовал в Эриду
Алпалгар	Царствовал в Эриду
Эн-Менлуана	Царствовал в Бад-тибуре
Эн-Менгалана	Царствовал в Бад-тибуре
Думузи («пастух»)	Царствовал в Бад-тибуре
Эн-Сипадзидана	Царствовал в Лараке
Эн-Мендурана	Царствовал в Сиппаре
Убар-Туту	Царствовал в Шуруппаке
Шукурлам (Шуруппак) ^[2]	Царствовал в Шуруппаке
Зиусудра	Царствовал в Шуруппаке

Снимок экрана Википедии, на странице «Список царей Шумера и Аккада».

Он же десятый библейский допотопный патриарх — Ной, он же десятый шумерский допотопный правитель — Зиусудра (в некоторых местах указан как 9 допотопный, из за путаницы с Шукурламом), он же ассирийский Утнапишти, имя которого и указано в данном эпосе.

Зиусудра

Зиусудра (также *Зиудсура*, в вавилонских текстах *Атрахасис* — «превосходящий мудростью», в ассирийских — *Утнапиштим*; др.-греч. *Xisouthros*, *Кисутрус*) — герой шумерского повествования о потопе, созданного возможно в III тысячелетии до н. э. — девятый и последний додинастический царь легендарного периода до Великого потоп.

Биография

Ему приписывают божественное происхождение. Согласно царскому списку до всемирного потоп в Шумере поочередно правили 9 царей в поочередно сменяющихся 5 городах-государствах в течение невероятных 277 200 лет (а двое из них правили 54 600 лет). Затем потоп смыл (страну). После того, как потоп смыл страну и царство было ниспослано с небес (во второй раз), Киш стал местом престола. На нём закончился Ранний Династический I период.

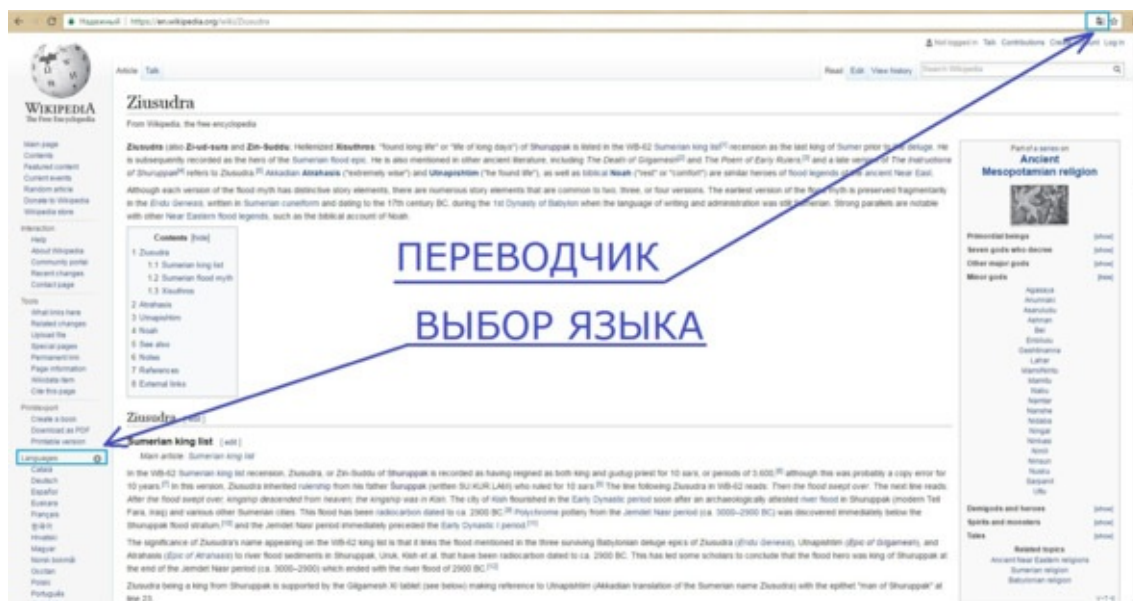
В таблице XI Эпоса о Гильгамеше содержится рассказ Утнапиштима о том, как он оказался единственным выжившим после потоп.

Снимок экрана Википедии на странице «Зиусудра».

Изучая данный материал самостоятельно, можно прийти к выводу, что истории, описанные в Библии, попросту заимствованы, из более ранних шумерских сказаний, одним из которых и является «Эпос о Гильгамеше», который вы сможете прочесть самостоятельно. Все участники библейского повествования, имеют шумерские корни, а не иудейские. А Бог Авраама, того самого, который является родоначальником трех основных мировых религий: Иудаизма, Христианства и Ислама — это никто иной, как шумерский Бог ЭнКи, который участвует во всех приведенных в данной книге повествованиях. Более подробный и доказательный рассказ о истинности единого и верховного Имени Бога ЭнКи, можно прочесть в книге «Сibum».

Подсказка

Для того чтобы получить более подробную информацию о любом искомом предмете в Википедии, рекомендую после изучения страницы на родном языке, поменять еще два-три иностранных языка, для сверки информации и тем самым, получения более точной картины об объекте поиска. В левой колонке навигации, существует выбор множества языков для каждой страницы. Для того чтобы в меню навигации, появилось большее количество языков для выбора, изначально лучше выбрать английский язык. В правом верхнем углу браузера, находится кнопка «Автоматического перевода текста страницы» с любого языка. Переводит она не идеально, но этого достаточно для того чтобы понять суть. Таким образом, вы сможете просмотреть не только информацию об искомом объекте на своем языке, но и на десятках других языках мира. И, конечно же, на страницах, других языков, информация будет написана иначе, что позволит вам, в еще большем объеме изучить необходимый материал. Так сказать, посмотреть ее с разных сторон.

Снимок экрана страницы Википедия, с указанием кнопок.

К сожалению, на сегодняшний день, уровень официальной науки, оставляет желать лучшего. Все неугодные их картине мировоззрения факты, они либо вообще не хотят видеть либо считают фальшивыми и тем самым закрывают истину от человечества. Только лишь потому, что сами не могут понять, как сложить эти пазлы в единую картину. Именно поэтому так важно не доверять свою жизнь посторонним людям, изучая все самостоятельно. Тем более зная человеческую, физическую натуру, не стоит забывать и о том, что некоторые из так называемых ученых, попросту купили свои образования и за взятки, либо по родственным связям, пробились на свои места. К великому сожалению, такие случаи известны. Но ради справедливости, конечно же, необходимо упомянуть и о тех людях, которые истинными и праведными усилиями ведут человечество к свету, не боясь проходить сквозь конъюнктуру времени и человеческого маразма, некоторых официальных представителей «на местах», единственной целью жизни которых является получение зарплат, взяток и ярких бумажек с печатями, в которых якобы признается их деятельность. Неужто действительно, человека который старается во благо всего общества, будут интересовать бумажки подписанные другими людьми, которыми можно обвесить всю свою комнату? Какой в них смысл? Мазь от детских комплексов? Если человек делает благое дело, то его главная награда — это польза, которая достигается результатами его дел. А бумагу можно и самому себе написать, если так уж хочется. Какая разница, что и кто вам в ней пишет? Бумага вскоре сгниет, лишь благое дело вечно. Делом живут умы, а не хвальбой. Я не хочу задеть чувства тех, кому нравится получать награды и грамоты, либо тех, кто получал их ранее. Каждый сам должен определить наиболее важные приоритеты жизни. Бумага с подписью или польза для общества, пускай даже и безымянная. Хорошим примером можно считать Григория Перельмана, который своим тяжким и упорным трудом, будучи лишенным всех материальных благ и возможностей, открыл человечеству частицу света, доказав гипотезу Пуанкаре, над

решением которой лучшие умы человечества бились порядка ста лет. В итоге он отказался от всех человеческих наград и крупных материальных премий, которые только помешали бы ему трудиться дальше и смутили бы его разум. К сожалению не все люди смогли понять причину его поступка, так как сами очень сильно зависимы от материальных благ, считая их основной целью своего бытия в этом мире. Но судя по всему, ученый Перельман, знает то, чего не знают другие. Ведь вряд ли, миллионы и миллиарды людей, не достигших ученого уровня Григория Перельмана, могут осознавать происходящее лучше него. Если некоторые люди что-то не понимают, то это не значит что верно лишь то, что они понимают. Не все готовы понять и принять истину, по причине слабой развитости. Только самостоятельный, кропотливый и тяжкий труд по поиску истины, приведет каждого конкретного человека в нужное место. Иначе не бывает. Иначе не будет. В данной книге много важного текста, который прольет часть света на происходящее в нашем мире. Читая рассказы, нужно понимать, что весь текст написанный тысячи лет назад учеными умами шумерской цивилизации — зашифрован. Это аллегория. Какие именно значения имеют слова и детали, так часто уточняющие те или иные события, вам необходимо осознать самостоятельно. Это ребус. Сразу хочу предупредить, что сделать это при прочтении текстов с первого раза, не получится. Лишь постоянное возвращение, перечитывание и переосмысление написанного, будут раз за разом все больше и больше открывать глаза ищущему. Вспомните, зачем вы тут. Отбросьте лишнее и рутинное. Вернитесь к истокам и обретете.

Евангелие от Матфея 7:7: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам.»

Глупец просит пищу для живота.

Мудрец просит пищу для ума.

Итак дерзайте.

Энума элиш

Когда наверху еще не названо небо,
Твердая земля внизу по имени не была еще названа,
Ни изначальный Апсу, их родитель,
Ни Мумму — Тиамат, породившая их всех,
Еще не смешали воедино свои воды.
Тростниковая хижина не была еще циновкой застелена,
Болотистая почва еще не появилась.
Когда не существовало еще ни одного бога,
Не было их имен, судьбы их не были predeterminedены —
Вот тогда-то внутри них и зародились боги.
Лахму и Лахаму были произведены на свет, по имени были названы.
Долго, долго возрастали они веком и статью.
Аншар и Кишар зародились, превосходящие прочих.
Они прибывали днями, прирастали годами.
Сын их Ану, соперник своих отцов;
Да, первородный Аншана, Ану, был ему ровня.
Ану породил по образу своему Нудиммуда.
Этот Нудиммуд был владыкой своим отцам.
Широкомудрый, понимающий, могучий силой,
Куда более могучий, чем его дед Аншар.
У него не было соперника среди богов, его братьев.
Божественные братья собирались вместе,
Тревожили Тиамат, толпясь здесь и там.
Воистину, они раздражали Тиамат
Своим весельем в Обители Неба.
Апсу не мог утишить их вопли,
А Тиамат, видя их нравы, дар речи теряла.
Их деяния были омерзительны.
Безобразны были их нравы; они были несносны.
Тогда Апсу, породитель великих богов,
Воззвал к Мумму, своему советнику:
«О Мумму, советник мой, дух мой радующий,
Подойди сюда, и отправимся к Тиамат!»
Они пошли и сели пред Тиамат,
Советуясь о богах, своих первенцах.
Апсу, уста отворив, молвил блистательной Тиамат:
«Их нравы отвратительны мне до омерзения,
Ни днем нет мне облегчения, ни ночью — покоя.
Я уничтожу, я сокрошу их нравы,
Чтобы восстановить тишину. Давай отдохнем!»

Тиамат, как только услышала это,
Разгневалась, воззвала к мужу.
Она воззвала в муке, разъяренная, скорбящая:
«Что? Мы уничтожим тех, которых создали?
Да, они не дают нам покоя, но будем же добры к ним!»
Тогда ответим Мумму, советник Апсу;
Злокознен и немилосерден был совет Мумму:
«Уничтожь, отец мой, мятежные нравы,
Тогда будет тебе днем облегчение и покой ночью!»
Услышал это Апсу, лицо его просияло,
Ибо он замыслил зло против богов, сыновей своих.
Что до Мумму, то он обнял его за шею,
Сидящего на коленях, чтобы поцеловать его.
И то, что они замыслили между собою,
Было повторено перед богами, их первородными.
Услышав это, боги заметались.
Затем, будто язык проглотили, хранили молчание.
Превосходящий мудростью, совершенный, находчивый,
Эйя, всемудрый, проник в их замысел.
Отменный план придумал он и выполнил,
Составив искусное заклетье, превосходное и святое.
Он произнес заклетье и поместил в глубине,
Излив на него сон. Тот заснул беспробудно.
Когда Апсу был уложен, окутан сном,
Мумму, советник, не мог и пошевелиться.
Он распустил его пояс, сорвал его тиару,
Снял с него сияние и водрузил на себя.
Связав Апсу, он убил его.
Мумму он связал и посадил под замок.
Утвердив свое жилище на теле Апсу,
Он наложил руку на Мумму, подвесив его за нос на веревке.
Победив и растоптав своих врагов,
Полностью восторжествовав над супостатами,
Эйя глубоко заснул в священном покое.
Он назвал его «Апсу» и посвятил ему храмы.
В этом самом месте он нашел свою священную хижину.
Эйя и Дамкина, его жена, жили там в блеске.
В обители судеб, в жилище рока,
Был порожден бог, из богов самый могучий и мудрый.
В сердце Апсу был сотворен Мардук.
Великаном возвышался он над богами, превосходя их во всем.

Недостижимое совершенство было в его членах.
Непревзойденный разум, трудно постижимый.
Четыре было у него глаза, четыре уха;
Когда он шевелил губами, вылетало пламя.
Огромны были его уши,
И глаза, такие же числом, пронизали все вещи.
Он был выше всех богов, подавляющая была его стать.
Его члены были огромны, он был выше всех прочих.
Сокрушена была Тиамат, металась она день и ночь.
Боги по злокозненности сами усилили бурю.
Их внутренность замыслила зло,
Вот что сказали эти братья Тиамат:
«Когда они убили Апсу, твоего супруга,
Ты не помогла ему, но осталась безучастна.
Хотя он изготовил страшную Пилу,
Твои внутренности разжижены, и мы не можем обрести покой.
Пусть Апсу, твой супруг, будет в твоём сердце
И Мумму, который был побежден! Ты осталась одна.
Из перворожденных богов, составлявших её собрание,
Она возвысила Кингу, поставила его их главой.
Первое место в их рядах, власть на собрании,
Подъятие оружия, приближение к схватке,
Предводительство в битве —
Все это доверила она ему, посадив его в совете:
«Я произнесла над тобою заклятье, возвысив тебя в собрании богов.
Я дала тебе полную власть в совете богов.
Воистину, нет выше тебя, ты мой единственный супруг!
Все Ануннаки покорятся произнесенному тобой».
Она дала ему таблички Судьбы, укрепив их у него на груди:
«Что до тебя, то твоя власть будет неизменна, слово твое не ослабеет!».
Как только возвысился Кингу, возведенный в положение Ану,
Богам, её сыновьям, они судьбу провозгласили:
«Ваше слово потушит огонь,
Унизит «Могучее Оружие», столь могучее в битве!»
Понурившись, пошел он к отцу, Аншару.
Словно к Тиамат, к нему обратился:
«Не достанет моей руки, чтоб покорить тебя».
Ничего не говоря, Аншар вперил взгляд в землю,
Хмурясь и головой качая перед Эйя.
Все Ануннаки собрались в том месте;
Плотно сжав губы, сидели в безмолвии.

«Ни один из богов (думали они) не может пойти на битву и,
Столкнувшись с Тиамат, живым унести ноги».

Владыка Аншар, отец богов, поднялся, величественный,
И, поразмыслив в сердце своем, сказал Ануннакам:
«Тот, чья сила могуча, будет нашим мстителем,
Ярый в схватке, Мардук отважный!»

«Аншар, не молчи; широко раскрой свои губы.
Я пойду и выполню желание твоего сердца...
Кто тот герой, что подступает к тебе с битвой?
Это всего лишь Тиамат, женщина, на тебя ополчилась!
О мой отец-создатель, радуйся и ликуй;
Скоро ты будешь попить выю Тиамат!
Сын мой, знающий всю премудрость,
Усмири Тиамат своим святым заклатьем.
Спеши изо всех сил на колеснице бурь.
Они не прогонят тебя от нее! Обрати их в бегство!»

Владыка возликовал при слове отца,
Сердце запрыгало от радости, он сказал отцу:
«Творец богов, судьба великих богов,
Если мне, твоему мстителю, и в самом деле предстоит
Победить Тиамат и спасти вам жизнь,
Созови собрание, провозгласи доли моей верховенство.
Когда все вместе в Убщукинне вы восседаете, радуясь,
Пусть не твое, а мое слово определяет судьбы.
Неизменным будет то, что я создам.
Повеление моих губ будет неотменимо и непреложно».

Услышав это, громко возопили Лахму и Лахаму,
Все Игиги взвыли от горя:
«Как странно, что они приняли это решение!
Нам не постигнуть деяний Тиамат!»

Они подготовились отправиться в путь,
Все великие боги, которые вершат судьбы.
Они приходили пред лицо Аншара, наполняя Убшукинну.
Они целовали друг друга в собрании.
Они беседовали, рассевшись на пиру.
Они ели праздничный хлеб, вкушали вино,
Увлажняли свои трубки для питья сладостным хмелем.
От крепкого питья их тела разбухли.
Они крепили духом, пока тела их никли.
Мардуку, мстителю за них, они определили судьбы.
Они воздвигли для него царственный престол.

Пред своими отцами он воссел, возглавив собрание.
«Ты — почтеннейший из великих богов,
Твои постановления не превзойти, твоя власть — Ану.
Ты, Мардук, почтеннейший из великих богов.
Мы даровали тебе царскую власть над всем мирозданием.
Когда ты будешь восседать в собрании, твое слово будет решающим.
Твое оружие не подведет — оно сотрет в порошок твоих врагов!
О господин, пощади жизнь того, кто доверился тебе,
Но вычерпай жизнь бога, ухватившегося за зло».
Поместив в гущу своих рядов кусок ткани,
Они обратились к Мардуку, своему первородному:
«Господин, воистину твое постановление — первое у богов.
Повели исчезнуть или появиться — и будет.
Открой уста: ткань исчезнет.
Заговори снова, и она вновь появится!»
При слове его уст ткань исчезла.
Он заговорил вновь, и ткань снова оказалась на месте.
Когда боги, его отцы, увидели плод его слова,
Они с радостью ему поклонились: «Мардук — царь!»
Они вручили ему скипетр, трон и палу;
Они вручили ему бесподобное оружие, отражающее врагов.
Утвердив так судьбу Бела, боги, его отцы,
Вывели его на путь успеха и достижения.
Он сделал лук, натянул тетиву.
Он создал булаву, схватил ее десницей;
Лук и колчан перекинул через плечо.
Перед собой восстановил молнию,
Тело свое наполнил пышущим пламенем.
Затем сделал сеть, чтобы опутать ею Тиамат.
Отрядил четыре ветра, от которых нельзя укрыться,
Южный ветер, Северный ветер, Восточный ветер, Западный ветер.
Крепко прижал к себе сеть, дар отца, Ану.
Он произвел на свет Имхуллу, «Злой ветер», Вихрь, Шквал,
Четвероякий ветер, Семеричный ветер, Смерч, Неодолимый ветер;
Затем выслал семь из созданных им ветров,
Чтобы тревожить нутро Тиамат, они восстали позади него.
Затем владыка воздвиг бурю-наводнение, свое могучее оружие.
Он взошел на колесницу бури — неодолимую и вселяющую трепет.
Впряг в нее четверку коней —
Убийцу, Безжалостного, Топталу, Стремительного.
Остры были их зубы, сочащиеся ядом.

Были они научены опустошению, умелы в уничтожении.
Голову его венчало ужасное сияние.
Владыка выступил и отправился своим путем,
Перед разъяренной Тиамат показал он свое лицо.
В губах своих держал... красного теста.
Растение, выводящее яд, было в его руке.
Затем они завертелись вокруг него, боги завертелись вокруг него.
Владыка подходил, чтобы устремить свой взор в чрево Тиамат,
Чтобы постичь замысел Кингу, ее супруга.
От его взгляда шаг того стал неровен,
Воля того ослабла, он растерялся.
И когда боги-помощники, выступившие на стороне Кингу,
Увидели доблестного героя, затмились их взоры.
Тиамат издала вопль, не поворачивая головы,
Дикий вопль слетел с ее уст:
«Слишком ты важен для владыки богов, чтобы подняться против тебя!
На своем ли месте они собрались или на твоём?»
В ответ владыка поднял наводнение-бурю, свое могучее оружие,
Разъяренной Тиамат послал такие слова:
«Могуча твоя стать, высоко ты надмилась;
Ты сама велела своему сердцу возбудить распрю,
Чтобы дети отвергли собственных отцов,
И тебя, родившую их, они возненавидели ...!
Ты возвысила Кингу, сделала его супругом;
Властью, не принадлежащей ему по праву, ты заменила власть Ану.
Против Аншара, царя богов, ты замыслила зло;
Перед богами, отцами моими, ты доказала свою злобность.
Собравшая себе войско, препоясанная оружием,
Встань, чтобы я сразился с тобой один на один!»
Услышав это, Тиамат
Впала в неистовство; утратила она разум.
В гневе Тиамат возопила громко,
Ноги ее до самого корня подкосились.
Она прочла чару и не переставала накладывать заклятья,
Пока боги битвы острили свое оружие.
Затем в схватку вступила Тиамат с Мардуком, из богов мудрейшим,
Они сошлись один на один, сцепились в битве.
Владыка распростер свою сеть, чтобы опутать ее,
Злой ветер, следовавший за ним, швырнул ей в лицо.
Когда Тиамат разинула пасть, чтобы проглотить его,
Он вогнал ей в глотку Злой ветер, чтобы она не могла сомкнуть губ.

Когда яростные ветры ворвались в ее брюхо,
Тело ее растянулось, а пасть широко распахнулась.
Он выпустил стрелу, которая разорвала ей брюхо,
Пронзила ей нутро, рассекла сердце.
Расправившись с Тиамат, он погасил ее жизнь.
Он сбросил вниз ее тушу, чтобы встать на ней.
После гибели Тиамат, владычицы,
Отряд ее был рассеян, распалось ее войско.
И Кингу, сделавшегося вождем их,
Он связал и препоручил Уггае.
Он отнял у него Таблички судьбы, принадлежавшие ему не по праву,
Запечатал их печатью и укрепил у себя на груди.
И снова обратился к Тиамат, которую он связал.
Владыка наступил на ноги Тиамат,
Своей беспощадной булавой раскроил ее череп.
Когда он отделил ее кровенные жилы,
Северный ветер унес их в неведомые края.
Видя это, его отцы радовались и торжествовали.
Они принесли ему почетные дары.
Тогда владыка остановился, чтобы осмотреть ее мертвое тело,
Чтобы расчленив чудовище и создать искусные вещи.
Он рассек ее, словно ракушку, на две части:
Одну половину сделал небесным сводом,
Поставил засов и назначил стражников.
Он велел им не выпускать ее воды на волю.
Он прошел по небу и осмотрел его области.
Очертил участок Апсу, обитель Нудиммуда,
Измеряя области Апсу.
Великую Обитель, ее подобие, он установил в Эсхарре,
Великая Обитель, Эсхарра, которую он сделал твердью.
Ану, ЭнЛиля и Эйю поселил в их жилищах.
Когда Мардук слышит слова богов,
Его сердце побуждает его к искусным делам.
Открыв уста, он обращается к Эйя,
Чтобы сообщить свой замысел, он обращается к Эйя,
Чтобы сообщить свой замысел, родившийся в его сердце:
«Я соберу кровь и создам кости.
Я сделаю дикаря, «человек» будет его имя.
Воистину дикаря-человека я создам.
Ему будет поручено служение богам,
Чтобы они могли отдохнуть!

Нравы богов я искусно изменю.
Почитаемые равно, они разделятся на две группы».
Эйя ему ответил, слово ему молвил,
Чтобы рассказать ему о задуманной помощи богам:
Пусть один из их братьев будет выдан;
Он один погибнет, чтобы можно было сотворить людей.
Пусть великие боги окажутся здесь, в собрании,
Пусть виновный будет выдан, чтобы дни их продлились».
Мардук созвал великих богов в собрание;
Милостивый владыка, он издавал постановления.
К речи его прислушивались боги.
Царь молвил слово Ануннакам:
«Если ваше предыдущее постановление было правдой,
Пусть теперь клятвой будет обнаружена правда!
Кто замышлял смуту,
Кто подстрекал Тиамат и вступил в битву?
Пусть будет выдан затеявший смуту.
Он понесет от меня наказание, чтобы вы жили в мире!»
Игиги, великие боги, ему отвечали,
Лугаль Диммеранкии, советчику богов, своему владыке:
«Затеявшим смуту был Кингу,
Он подстрекал Тиамат и вступил в битву».
Они связали его, держа перед Эйя.
Они наложили на него вину его и отделили его кровеносные жилы.
Из его крови они сотворили человека.
Он назначил ему службу и отпустил богов.
После того как были изданы все постановления,
Ануннакам неба и земли он определил их доли,
Ануннаки открыли уста
И сказали Мардуку, своему владыке:
«Теперь, о владыка, причина нашего вызволения,
Каким даром почтим мы тебя?
Да построим тебе чертог, который назовется
«Чу! Покой нашего ночного сна»; давай отдохнем там!
Да построим чертог, углубление в его обители!
В день, когда мы прибудем, мы отдохнем в нем».
Когда Мардук услышал это,
Лицо его, как день, просияло:
«Пусть его кирпичная кладка будет такой, как в высоком Вавилоне,
О строительстве которого вы просили. Пусть имя его будет — «Святилище».
Ануннаки приступили к работе;

Целый год они кирпичи лепили.
Когда наступил второй год,
Они высоко воздвигли главу Эсагилы, равного Апсу.
Построив плоскую башню высотой с Апсу,
Они воздвигли в ней чертог для Мардука, ЭнЛиля и Эйи.
В их присутствии они украсили его великолепной отделкой.
До основания Эсхарры доходят его рога.
Построив дом Эсагила,
Ануннаки сами возвели свои святилища.
...все они собрались,
...они построили ему чертог.
Богов, отцов своих, он рассадил на пиру:
«Это — Вавилон, здесь ваш дом!
Веселитесь в его пределах, занимайте его широкие площади».
Великие боги расселись по своим местам.
По местам рассевшись, праздничное питье получили.
Навеселившись вволю, в Эсагиле блестящем,
Совершили свои обряды.
Были установлены правила и все их знамения,
Все боги разделили небо и землю.
Пятьдесят великих богов заняли свои твердыни.
Семь богов судьбы поселили трехсот на небе.
ЭнЛиль поднял лук, свое оружие, и положил перед ними.
Боги, его отцы, увидели созданную им сеть.
Увидев лук, его искусную форму,
Отцы похвалили работу, им совершенную.

Эпос о Гильгамеше

О все видавшем до края мира,
О познавшем моря, перешедшем все горы,
О врагов покорившем вместе с другом,
О постигшем премудрость, о все пронизавшем,
Сокровенное видел он, тайное ведал,
Принес нам весть о днях до потопа,
В дальний путь ходил, но устал и смирился,
Рассказ о трудах на камне высек,
Стеною обнес Урук огражденный,
Светлый амбар Эаны священной. —
Осмотри стену, чьи венцы, как по нити,
Погляди на вал, что не знает подобья,
Прикоснись к порогам, лежащим издревле,
И вступи в Эану, жилище Иштар, —
Даже будущий царь не построит такого, —
Поднимись и пройди по стенам Урука,
Обозри основанье, кирпичи ощупай:
Его кирпичи не обожжены ли
И заложены стены не семью ль мудрецами?
Далее недостает около тридцати стихов.
Велик он более всех человеков,
На две трети он бог, на одну — человек он,
Образ его тела на вид несравненен,
Далее недостает четырех стихов.
Стену Урука он возносит.
Буйный муж, чья глава, как у тура, подъята,
Чье оружие в бою не имеет равных, —
Все его товарищи встают по барабану!
По спальням страшатся мужи Урука:
«Отцу Гильгамеш не оставит сына!
Днем и ночью буйствует плотью:
Гильгамеш ли то, пастырь огражденного Урука,
Он ли пастырь сынов Урука,
Мощный, славный, все постигший?
Матери Гильгамеш не оставит девы,
Зачатой героем, суженой мужу!»
Часто их жалобу слыхивали боги,
Боги небес призвали владыку Урука:
«Создал ты буйного сына, чья глава, как у тура, подъята,
Чье оружие в бою не имеет равных, —

Все его товарищи встают по барабану,
Отцам Гильгамеш сыновей не оставит!
Днем и ночью буйствует плотью:
Он ли — пастырь огражденного Урука,
Он ли пастырь сынов Урука,
Мощный, славный, всё постигший?
Матери Гильгамеш не оставит девы,
Зачатой героем, суженой мужу!»
Часто их жалобу слыхивал Ану.
Воззвали они к великой Аруру:
«Аруру, ты создала Гильгамеша,
Теперь создай ему подобье!
Когда отвагой с Гильгамешем он сравнится,
Пусть соревнуются, Урук да отдыхает».
Аруру, услышав эти речи,
Подобье Ану создала в своем сердце
Умыла Аруру руки,
Отщипнула глины, бросила на землю,
Слепила ЭнКиду, создала героя.
Порожденье полуночи, воин Нинурты,
Шерстью покрыто все его тело,
Подобно женщине, волосы носит,
Пряди волос как хлеба густые;
Ни людей, ни мира не ведал,
Одеждой одет он, словно Сумукан.
Вместе с газелями ест он травы,
Вместе со зверьми к водопою теснится,
Вместе с тварями сердце радуется водою.
Человек — ловец-охотник
Перед водопоем его встречает.
Первый день, и второй, и третий
Перед водопоем его встречает.
Увидел охотник — в лице изменился,
Со скотом своим домой вернулся,
Устрашился, умолк, онемел он,
В груди его — скорбь, его лик затмился,
Тоска проникла в его утробу,
Идущему дальним путем стал лицом подобен.
Охотник уста открыл и молвит, вещает он отцу своему:
«Отец, некий муж, что из гор явился, —
Во всей стране рука его могуча,

Как из камня с небес крепки его руки, —
Бродит вечно по всем горам он,
Постоянно со зверьем к водопою теснится,
Постоянно шаги направляет к водопою.
Боюсь я его, приближаться не смею!
Я вырою ямы — он их засыплет,
Я поставлю ловушки — он их вырвет,
Из рук моих уводит зверье и тварь степную, —
Он мне не дает в степи трудиться!»
Отец его уста открыл и молвит, вещает он охотнику:
«Сын мой, живет Гильгамеш в Уруке,
Нет никого его сильнее,
Во всей стране рука его могуча,
Как из камня с небес, крепки его руки!
Иди, лицо к нему обрати ты,
Ему расскажи о силе человека.
Даст тебе он блудницу — приведи ее с собою.
Победит его женщина, как муж могучий!
Когда он поит зверье у водопою,
Пусть сорвет она одежду, красы свои откроет, —
Увидев ее, приблизится к ней он —
Покинут его звери, что росли с ним в пустыне!
Совету отца он был послушен,
Охотник отправился к Гильгамешу,
Пустился в путь, стопы обратил к Уруку,
Пред лицом Гильгамеша промолвил слово.
«Некий есть муж, что из гор явился,
Во всей стране рука его могуча,
Как из камня с небес, крепки его руки!
Бродит вечно по всем горам он,
Постоянно со зверьем к водопою теснится,
Постоянно шаги направляет к водопою.
Боюсь я его, приближаться не смею!
Я вырою ямы — он их засыплет,
Я поставлю ловушки — он их вырвет,
Из рук моих уводит зверье и тварь степную, —
Он мне не дает в степи трудиться!»
Гильгамеш ему вещает, охотнику:
«Иди, мой охотник, блудницу Шамхат приведи с собою,
Когда он поит зверей у водопою,
Пусть сорвет она одежду, красы свои откроет, —

Ее увидев, к ней подойдет он —
Покинут его звери,, что росли с ним в пустыне.
Пошел охотник, блудницу Шамхат увел с собою,
Отправились в путь, пустились в дорогу,
В третий день достигли условленного места.
Охотник и блудница сели в засаду —
Один день, два дня сидят у водополя.
Приходят звери, пьют у водополя,
Приходят твари, сердце радуют водою,
И он, ЭнКиду, чья родина — горы,
Вместе с газелями ест он травы,
Вместе со зверьми к водополю теснится,
Вместе с тварями сердце радуется водою.
Увидела Шамхат дикаря-человека,
Мужа-истребителя из глубины степи:
«Вот он, Шамхат! Раскрой свое лоно,
Свой срам обнажи, красы твои достигнет!
Увидев тебя, к тебе подойдет он —
Не смущайся, прими его дыханье,
Распахни одежду, на тебя да ляжет!
Дай ему наслаждение, дело женщин, —
Покинут его звери, что росли с ним в пустыне,
К тебе он прильнет желанием страстным».
Раскрыла Шамхат груди, свой срам обнажила,
Не смущалась, приняла его дыханье,
Распахнула одежду, и лег он сверху,
Наслаждение дала ему, дело женщин,
И к ней он прильнул желанием страстным.
Шесть дней миновало, семь дней миновало —
Неустанно ЭнКиду познавал блудницу.
Когда же насытился лаской,
К зверью своему обратил лицо он.
Увидав ЭнКиду, убежали газели,
Степное зверье избегало его тела.
Вскочил ЭнКиду, — ослабели мышцы,
Остановились ноги, — и ушли его звери.
Смирился ЭнКиду, — ему, как прежде, не бегать!
Но стал он умней, разумением глубже, —
Вернулся и сел у ног блудницы,
Блуднице в лицо он смотрит,
И что скажет блудница, — его слушают уши.

Блудница ему вещает, ЭнКиду:
«Ты красив, ЭнКиду, ты богу подобен, —
Зачем со зверьем в степи ты бродишь?
Давай введу тебя в Урук огражденный,
К светлому дому, жилищу Ану,
Где Гильгамеш совершенен силой
И, словно тур, кажет мощь свою людям!»
Сказала — ему эти речи приятны,
Его мудрое сердце ищет друга.
ЭнКиду ей вещает, блуднице:
«Давай же, Шамхат, меня приведи ты
К светлому дому святому, жилищу Ану,
Где Гильгамеш совершенен силой
И, словно тур, кажет мощь свою людям.
Я его вызову, гордо скажу я,
Закричу средь Урука: я — могучий,
Я один лишь меняю судьбы,
Кто в степи рожден, — велика его сила!»
«Пойдем, ЭнКиду, лицо обрати к Уруку, —
Где бывает Гильгамеш — я подлинно знаю:
Поедем же, ЭнКиду, в Урук огражденный,
Где гордятся люди царственным платьем,
Что ни день, то они справляют праздник,
Где кимвалов и арф раздаются звуки,
А блудницы, красотою славны:
Сладострастьем полны, — сулят отраду —
Они с ложа ночного великих уводят.
ЭнКиду, ты не ведаешь жизни, —
Покажу Гильгамеша, что рад стенаньям.
Взгляни на него, в лицо погляди ты —
Прекрасен он мужеством, силой мужскою,
Несет сладострастье всё его тело,
Больше тебя он имеет мощи,
Покоя не знает ни днем, ни ночью!
ЭнКиду, укроти твою дерзость:
Гильгамеш — его любит Шамаш,
Ану, Элليلь и Эа его вразумили.
Прежде чем с гор ты сюда явился,
Гильгамеш среди Урука во сне тебя видел.
Встал Гильгамеш и сон толкует,
Вещает он своей матери:

«Мать моя, сон я увидел ночью:
Мне явились в нем небесные звезды,
Падал на меня будто камень с неба.
Поднял его — был меня он сильнее,
Тряхнул его — стряхнуть не могу я,
Край Урука к нему поднялся,
Против него весь край собрался,
Народ к нему толпою теснится,
Все мужи его окружили,
Все товарищи мои целовали ему ноги.
Полюбил я его, как к жене прилепился.
И к ногам твоим его принес я,
Ты же его сравняла со мною».

Мать Гильгамеша мудрая, — все она знает, — вещает она своему
господину,

Нинсун мудрая, — все она знает, — вещает она Гильгамешу:

«Тот, что явился, как небесные звезды,
Что упал на тебя, словно камень с неба, —
Ты поднял его — был тебя он сильнее,
Тряхнул его — и стряхнуть не можешь,
Полюбил его, как к жене прилепился,
И к ногам моим его принес ты,
Я же его сравняла с тобою —
Сильный придет сотоварищ, спаситель друга,
Во всей стране рука его могуча,
Как из камня с небес, крепки его руки, —
Ты полюбишь его, как к жене прильнешь ты,
Он будет другом, тебя не покинет —
Сну твоему таково толкованье».

Гильгамеш ей, матери своей, вещает:

«Мать моя, снова сон я увидел:

В огражденном Уруке топор упал, а кругом толпились:

Край Урука к нему поднялся,
Против него весь край собрался,
Народ к нему толпою теснится, —
Полюбил я его, как к жене прилепился,
И к ногам твоим его принес я,
Ты же его сравняла со мною».

Мать Гильгамеша мудрая, — все она знает, — вещает она своему сыну,

Нинсун мудрая, — все она знает, — вещает она Гильгамешу:

«В том топоре ты видел человека,

Ты его полюбишь, как к жене прильнешь ты,
Я же его сравню с тобою —
Сильный, я сказала, придет сотоварищ, спаситель Друга.
Во всей стране рука его могуча,
Как из камня с небес, крепки его руки!»
Гильгамеш ей, матери своей, вещает:
«Если. Эллиль повелел — да возникнет советчик,
Мне мой друг советчиком да будет,
Я моему другу советчиком да буду!»
Так свои сны истолковал он».

Рассказала ЭнКиду Шамхат сны Гильгамеша, и оба стали любиться.
«... ЭнКиду, встань, тебя поведу я
К храму Эане, жилищу Ану,
Где Гильгамеш совершенен в деяньях.
А ты, как себя, его полюбишь!
Встань с земли, с пастушьего ложа!»
Услыхал ее слово, воспринял речи,
Женщины совет запал в его сердце.
Ткань разорвала, одной его одеда,
Тканью второю сама оделась,
За руку взяв, повела, как ребенка,
К стану пастушьему, к скотьим загонам.
Там вокруг них пастухи собралися,
Шепчут они, на него взирая:
«Муж тот с Гильгамешем сходен обличьем,
Ростом пониже, но костью крепче.
То, верно, ЭнКиду, порожденье степи,
Во всей стране рука его могуча,
Как из камня с небес, крепки его руки:
Молоко звериное сосал он!»
На хлеб, что перед ним положили,
Смутившись, он глядит и смотрит:
Не умел ЭнКиду питаться хлебом,
Питью сикеры обучен не был.
Блудница уста открыла, вещает ЭнКиду:
«Ешь хлеб, ЭнКиду, — то свойственно жизни
Сикеру пей — суждено то миру!»
Досыта хлеба ел ЭнКиду,
Сикеры испил он семь кувшинов.
Взыграла душа его, разгулялась,
Его сердце веселилось, лицо сияло.

Он ощущал свое волосатое тело,
Умастился елеем, уподобился людям,
Одеждой оделся, стал похож на мужа.
Оружие взял, сражался со львами —
Пастухи покоились ночью.
Львов побеждал и волков укрощал он —
Великие пастыри спали:
ЭнКиду — их стража, муж неусыпный.
Весть принесли в Урук огражденный Гильгамешу:
Далее в Старовавилонской версии недостает около пяти-шести стихов.
ЭнКиду с блудницей предавался веселью,
Поднял взор, человека видит, —
Вещает он блуднице:
«Шамхат, приведи человека!
Зачем он пришел? Хочу знать его имя!»
Кликнула, блудница человека,
Тот подошел и его увидел.
«Куда ты, о муж, поспешаешь? Для чего поход твой трудный?»
Человек уста открыл, вещает ЭнКиду:
«В брачный покой меня позвали,
Но удел людей — подчиненье высшим!
Грузит город кирпичом корзины,
Пропитанье города поручено хохотуньям,
Только царю огражденного Урука
Брачный покой открыт бывает,
Только Гильгамешу, царю огражденного Урука,
Брачный покой открыт бывает, —
Обладает он суженой супругой!
Так это было; скажу я: так и будет,
Совета богов таково решение,
Обрезая пуповину, так ему судили!»
От слов человека лицом побледнел он.
Недостает около пяти стихов.
Впереди идет ЭнКиду, а Шамхат сзади,
Далее сохранился отрывок из основной Ниневийской версии.
Вышел ЭнКиду на улицу огражденного Урука:
«Назови хоть тридцать могучих, — сражусь я с ними!»
В брачный покой преградил дорогу.
Край Урука к нему поднялся,
Против него весь край собрался,
Народ к нему толпою теснится,

Мужи вокруг него собрались,
Как слабые ребята, целуют ему ноги:
«Прекрасный отныне герой нам явился!»
Было в ту ночь для Ишхары постелено ложе,
Но Гильгамешу, как бог, явился соперник:
В брачный покой ЭнКиду дверь заградил ногою,
Гильгамешу войти он не дал.
Схватились в двери брачного покоя,
Стали биться на улице, на широкой дороге, —
Обрушились сени, стена содрогнулась.
Преклонил Гильгамеш на землю колено,
Он смирил свой гнев, унял свое сердце
Когда унялось его сердце, ЭнКиду вещает Гильгамешу:
«Одного тебя мать родила такого,
Буйволица Ограды, Нинсун!
Над мужами главою ты высоко вознесся,
Эллиль над людьми судил тебе царство!»
Из дальнейшего текста II таблицы в Ниневийской версии опять
сохранились лишь ничтожные отрывки; ясно лишь, что Гильгамеш
приводит своего друга к своей матери Нинсун.
Во всей стране рука его могуч,
Как из камня с небес, крепки его руки!
Благослови его быть мне братом!»
Мать Гильгамеша уста открыла, вещает своему господину,
Буйволица Нинсун вещает Гильгамешу:
«Сын мой,...
Горько...»
Гильгамеш уста открыл и матери своей вещает:
...
Подошел он к дверям, вразумил меня мощью
Горько упрекал он меня за буйство.
Не имеет ЭнКиду ни матери, ни друга,
Распущенные волосы никогда не стриг он,
В степи он рожден, с ним никто не сравнится
Стоит ЭнКиду, его слушает речи,
Огорчился, сел и заплакал,
Очи его наполнились слезами:
Без дела сидит, пропадает сила.
Обнялись оба друга, сели рядом,
За руки взялись, как братья родные.
Далее содержание может быть восстановлено по III, так называемой

Йельской таблице Старовавилонской версии.

Гильгамеш наклонил. лицо, вещает ЭнКиду:

«Почему твои очи наполнились слезами,
Опечалилось сердце, вздыхаешь ты горько?»

ЭнКиду уста открыл, вещает Гильгамешу:

«Вопли, друг мой, разрывают мне горло:
Без дела сижу, пропадает сила».

Гильгамеш уста открыл, вещает ЭнКиду:

«Друг мой, далеко есть горы Ливана,
Кедровым те горы покрыты лесом,
Живет в том лесу свирепый Хумбаба, —
Давай его вместе уьем мы с тобою,
И все, что есть злого, изгоним из мира!
Нарублю я кедра, — поросли им горы, —
Вечное имя себе создам я!»

ЭнКиду уста открыл, вещает Гильгамешу:

«Ведомо, друг мой, в горах мне было,
Когда бродил со зверьем я вместе:
Рвы там на поприще есть вокруг леса, —
Кто же проникнет в средину леса?
Хумбаба — ураган его голос,

Уста его — пламя, смерть — дыханье!

Зачем пожелал ты свершать такое?

Неравен бой в жилище Хумбабы!»

Гильгамеш уста открыл., вещает ЭнКиду:

«Хочу я подняться на гору кедра,
И в лес Хумбабы войти я. желаю,
Недостает двух-четырёх стихов.

Боевой топор я на пояс повешу —

Ты иди сзади, я пойду перед тобою!»

ЭнКиду уста открыл, вещает Гильгамешу:

«Как же пойдём мы, как в лес мы вступим?

Бог Вэр, его хранитель, — он могуч, неусыпен,

А Хумбаба — Шамаш наделил его силой,

Адду наделил его отвагой,

...

Чтоб кедровый лес оберегал он,

Ему вверил Элليلь страхи людские.

Хумбаба — ураган его голос,

Уста его — пламя, смерть — дыханье!

Люди молвят — тяжек и путь к тому лесу —

Кто же проникнет в середину леса?
Чтоб кедровый лес оберегал он,
Ему вверил Эллиль страхи людские,
И кто входит в тот лес, того слабость объемлет».

Гильгамеш уста открыл, вещает ЭнКиду:
«Кто, мой друг, вознесся на небо?
Только боги с Солнцем пребудут вечно,
А человек — сочтены его годы,
Что б он ни делал, — все ветер!
Ты и сейчас боишься смерти,
Где ж она, сила твоей отваги?
Я пойду перед тобою, а ты кричи мне: «Иди, не бойся!»
Если паду я — оставлю имя:
«Гильгамеш принял бой со свирепым Хумбабой!»
Но родился в моем доме ребенок, —
К тебе подбежал: «Скажи мне, все ты знаешь:
...
Что совершил мой отец и друг твой?»
Ты ему откроешь мою славную долю!
...
А своими речами ты печалишь мне сердце!
Подниму я руку, нарублю я кедра,
Вечное имя себе создам я!
Друг мой, мастерам я дам повинность:
Оружие пусть отольют перед нами».

Повинность мастерам они дали, —
Сели мастера, обсуждают.
Секиры отлили большие, —
Топоры они отлили в три таланта;
Кинжалы отлили большие, —
Лезвия по два таланта,
Тридцать мин выступы по сторонам у лезвий,
Тридцать мин золота, — рукоять кинжала, —
Гильгамеш и ЭнКиду несли по десять талантов.
С ворот Урука сняли семь запоров,
Услыхав о том, народ собрался,
Столпился на улице огражденного Урука.
Гильгамеш ему явился,
Собранье огражденного Урука перед ним уселось.
Гильгамеш так им молвит:
«Слушайте, старейшины огражденного Урука,

Слушай, народ огражденного Урука,
Гильгамеша, что сказал: хочу я видеть,
Того, чье имя опалает страны.
В кедровом лесу его хочу победить я,
Сколь могуч я, отпрыск Урука, мир да услышит!
Подниму я руку, нарублю я кедра,
Вечное имя себе создам я!»

Старейшины огражденного Урука
Гильгамешу отвечают такую речью:
«Ты юн, Гильгамеш, и следуешь сердцу,
Сам ты не ведаешь, что совершаешь!
Мы слышали, — чудовищен образ Хумбабы, —
Кто отразит его оружие?

Рвы там на поприще есть вокруг леса, —
Кто же проникнет в середину леса?
Хумбаба — ураган его голос,
Уста его пламя, смерть — дыханье!
Зачем пожелал ты свершать такое?
Неравен бой в жилище Хумбабы!»

Услыхал Гильгамеш советников слово,
На друга он, смеясь, оглянулся:
«Вот что теперь скажу тебе, друг мой, —
Боюсь я его, страшусь я сильно:
В кедровый лес пойду я с тобою,
Чтоб там не бояться — убьем Хумбабу!»
Старейшины Урука вещают Гильгамешу:

...

...

Пусть идет с тобой богиня, пусть хранит тебя бог твой,
Пусть ведет тебя дорогой благополучной,
Пусть возвратит тебя к пристани Урука!»
Перед Шамашем встал Гильгамеш на колени:
«Слово, что сказали старцы, я слышал, —
Я иду, но к Шамашу руки воздел я:
Ныне жизнь моя да сохранится,
Возврати меня к пристани Урука,
Сень твою простри надо мною!»

В Старовавилонской версии, следует несколько разрушенных стихов, из которых можно предположить, что Шамаш дал двусмысленный ответ на гаданье героев.

Когда услышал предсказанье — ...

...он сел и заплакал,
По лицу Гильгамеша побежала слезы.
«Иду я путем, где еще не ходил я,
Дорогой, которую весь край мой не знает.
Если ныне я буду благополучен,
В поход уходя по доброй воле, —
Тебя, о Шамаш, я буду славить,
Твои кумиры посажу на престолы!»
Было положено пред ним снаряжение,
Секиры, кинжалы большие,
Лук и колчан — их дали ему в руки.
Взял он топор, набил колчан свой,
На плечо надел он лук аншанский,
Кинжал заткнул он себе за пояс, —
Приготовились они к походу.
Старейшины его благословляют
На дорогу Гильгамешу дают советы:
«Гильгамеш, на силу ты свою не надейся,
Лицом будь спокоен, ударяй же верно;
Впереди идущий сотоварища спасает:
Кто ведал тропы, сохранил он друга;
Пускай ЭнКиду идет пред тобою, —
Он знает дорогу к кедровому лесу,
Битвы он видел, бой ему ведом.
ЭнКиду, береги сотоварища, храни ты друга,
Через рытвины носи на руках его тело;
Мы в совете тебе царя поручаем,
Как вернешься ты — нам царя поручишь!»
Гильгамеш уста открыл и молвит, вещает он ЭнКиду:
«Давай, мой друг, пойдем в Эгальмах
Пред очи Нинсун, царицы великой!
Нинсун мудрая, — все она знает, —
Путь разумный нашим стопам установит!»
За руки взялись они друг с другом,
Гильгамеш и ЭнКиду пошли в Эгальмах
Пред очи Нинсун, царицы великой.
Вступил Гильгамеш в покой царицын:
«Я решился, Нинсун, идти походом,
Дальней дорогой, туда, где Хумбаба,
В бою неведомом буду сражаться,
Путем неведомым буду ехать.

Пока я хожу, и назад не вернулся,
Пока не достигну кедрового леса,
Пока мной не сражен свирепый Хумбаба,
И все, что есть злого, не изгнал я из мира, —
Облачись в одеянье, достойное тела,
Кадилашницы Шамашу ставь пред собою!»
Эти речи сына ее, Гильгамеша,
Печально слушала Нинсун, царица.
Вступила Нинсун в свои покои,
Умыла тело мыльным корнем,
Облачилась в одеянья, достойные тела,
Надела ожерелье, достойное груди,
Опоясана лентой, увенчана тиарой
Чистой водой окропила землю,
Взошла по ступеням, поднялась на крышу.
Поднявшись, для Шамаша свершила воскуренье.
Положила мучную жертву и перед Шамашем воздела руки:
«Зачем ты мне дал в сыновья Гильгамеша
И вложил ему в грудь беспокойное сердце?
Теперь ты коснулся его, и пойдет он
Дальней дорогой, туда, где Хумбаба,
В бою неведомом будет сражаться,
Путем неведомым будет ехать,
Пока он ходит, и назад не вернулся,
Пока не достигнет кедрового леса,
Пока не сражен им свирепый Хумбаба,
И все, что есть злого, что ты ненавидишь, не изгнал он из мира, —
В день, когда ты ему знаменье явишь,
Пусть, тебя не страшась, тебе Ая-невеста напомнит,
Чтобы, ты поручал его стражам ночи
В час вечерний, когда на покой ты уходишь!»
Далее недостает около девяноста строк.
Потушила курильницу, завершила молитву,
Позвала ЭнКиду и весть сообщила:
«ЭнКиду могучий, не мною рожденный!
Я тебя объявила посвященным Гильгамешу
Вместе с жрицами и девами, обреченными богу».
На шею ЭнКиду талисман надела,
За руки взялись с ним жены бога,
А дочери бога его величали.
«Я — ЭнКиду! В поход Гильгамеш меня взял с собою!» —

«ЭнКиду в поход Гильгамеш взял с собою!»

Недостает двух стихов.

«...Пока он ходит, и назад не вернулся,

Пока не достигнет кедрового леса. —

Месяц ли пройдет — я с ним буду вместе

Год ли пройдет — я с ними буду вместе!»

Через двадцать поприщ отломили ломтик,

Через тридцать поприщ на привал остановились,

Пятьдесят прошли они за день поприщ,

Путь шести недель прошли — на третий день достигли Евфрата.

Перед Солнцем вырыли колодец,

...

Поднялся Гильгамеш на гору, поглядел на окрестность:

«Гора, принеси мне сон благоприятный!»

Следует четыре непонятных строки; по-видимому, ЭнКиду сооружает палатку для Гильгамеша.

Гильгамеш подбородком уперся в колено, —

Сон напал на него, удел человека.

Среди ночи сон его прекратился,

Встал, говорит со своим он другом:

«Друг мой, ты не звал? Отчего я проснулся?

Друг мой, сон я нынче увидел,

Сон, что я видел, — весь он страшен:

Под обрывом горы стоим мы с тобою,

Гора упала и нас придавила,

Мы

Кто в степи рожден — ему ведома мудрость!»

Вещает другу Гильгамешу, ему сон толкует:

«Друг мой, твой сон прекрасен, сон этот для нас драгоценен,

Друг мой, гора, что ты видел, — не страшна нисколько:

Мы схватим Хумбабу, его повалим,

А труп его бросим на порутанье!

Утром от Шамаша мы слово доброе услышим!»

Через двадцать поприщ отломили ломтик,

Через тридцать поприщ на привал остановились,

Пятьдесят прошли они за день поприщ,

Путь шести недель прошли — на третий день

достигли...

Перед Солнцем вырыли колодец,

...

Поднялся Гильгамеш на гору, посмотрел на окрестность:

«Гора, принеси мне сон благоприятный!»

...

Среди ночи сон его прекратился,

Встал, говорит со своим он другом:

«Друг мой, ты не звал? Отчего я проснулся?

Друг мой, второй я сон увидел:

Земля растрескалась, земля опустела, земля была в смятенье,

Я схватил было тура степного,

От рева его земля раскололась,

От поднятой пыли затмилось небо,

Перед ним я пал на колени;

Но схватил...

Руку протянул, с земли меня поднял,

Утолил мой голод, водой напоил из меха».

«Бог, мой друг, к которому идем мы,

Он не тур, а тот не враждебен вовсе;

Тур в твоём сне — это Шамаш светлый,

Руку нам в беде подает он;

Тот, кто водою тебя поил из меха, —

Это почтил тебя твой бог, Лугальбанда!

Некое свершим мы дело, какого в мире не бывало!

Утром от Шамаша мы слово доброе услышим!»

Через двадцать поприщ отломили ломтик,

Через тридцать поприщ на привал остановились,

Пятьдесят прошли они за день поприщ —

Путь шести недель прошли и достигли горы Ливана.

Перед Солнцем вырыли колодец,

...

Поднялся Гильгамеш на гору, посмотрел на окрестность:

«Гора, принеси мне сон благоприятный!»

Гильгамеш подбородком уперся в колени —

Сон напал на него, удел человека.

Среди ночи сон его прекратился,

Встал, говорит со своим он другом:

«Друг мой, ты не звал? Отчего я проснулся?

Ты меня не тронул? Отчего я вздрогнул?

Не бог ли прошел? Отчего трепещет мое тело?

Друг мой, третий сон я увидел,

Сон, что я видел, — весь он страшен!

Вопияло небо, земля громыхала,

День затих, темнота наступила,

Молния сверкала, полыхало пламя,
Огонь разгорался, смерть лила ливнем, —
Померкла зарница, погасло пламя,
Жар опустился, превратился в пепел —
В степь мы вернемся, — совет нам нужен!»

Тут ЭнКиду сон его понял, вещает Гильгамешу:

Далее недостает около ста двадцати стихов; сохранились отдельные отрывки, из которых можно заключить, что герои, возможно, отступили, но затем повторили путешествие, во время которого Гильгамеш видел еще три сна. Последний (?) из снов, в котором Гильгамеш видел великана, ЭнКиду истолковывает так:

«Друг мой, таково тому сну толкованье:
Хумбабу, — того, что подобен великану, —
Пока свет не забрезжит, мы его одолеем,
Над ним мы с тобою победу добудем,
На Хумбабу, кого мы ненавидим яро,
Мы наступим ногою победоносно!»

Однако по каким-то причинам героям нет удачи, и Гильгамеш вновь взывает к богу Шамашу.

Перед Шамашем, воином, бегут его слезы:

«Что ты Нинсун в Уруке поведал,
Вспомни, приди и услышь нас!»

Гильгамеша, отпрыска огражденного Урука, —
Уст его речь слышал Шамаш —
Внезапно с неба призыв раздался:

«Поспеси, подступи к нему, чтоб в лес не ушел он,
Не вошел бы в заросли, от вас бы не скрылся!
Он еще не надел свои семь одеяний ужасных,
Одно он надел, а шесть еще сняты».

А они меж собою схватились,
Словно буйные туры бодают друг друга:
Всего раз закричал еще, полный гнева,
Страж лесов закричал из зарослей дальних,
Хумбаба, как гром, закричал издалека!

Гильгамеш уста открыл, ему вещает, ЭнКиду:

«Один — лишь один, ничего он не может,
Чужаками мы здесь будем поодиночке:
По круче один не взойдет, а двое — взберутся,

...

Втрое скрученный канат не скоро порвется,
Два львенка вместе — льва сильнее!»

Далее недостает около двадцати строк.
ЭнКиду уста открыл, ему вещает, Гильгамешу:
«Если бы в лес мы с тобою спустились,
Ослабеет тело, олемяют мои руки».
Гильгамеш уста открыл, вещает он ЭнКиду:
«Друг мой, ужели мы будем так жалки?
Столько гор уже перешли мы,
Убоимся ли той, что теперь перед нами,
Прежде чем мы нарубим кедра?
Друг мой, в сраженьях ты сведущ, битвы тебе знакомы,
Натирался ты зельем и смерти не страшишься,

...
Как большой барабан гремит твой голос!
Пусть сойдет с твоих рук онеменье,
Пусть покинет слабость твое тело,
Возьмемся за руки, пойдем же, друг мой!
Пусть загорится твое сердце сраженьем!
Забудь о смерти, — достигнешь жизни!
Человек осторожный и неустрашимый,
Идя впереди, себя сохранил бы и товарища спас бы, —
Далеко они свое прославили бы имя!»
Так достигли они до кедрового леса,
Прекратили свои речи и встали оба.
Остановились у края леса,
Кедров высоту они видят,
Леса глубину они видят,
Где Хумбаба ходит, — шагов не слышно:
Дороги проложены, путь удобен.
Видят гору кедра, жилище богов, престол Ирнини.
Пред горою кедров несут свою пышность,
Тонь хороша их, полна отрады,
Поросло там терньем, поросло кустами,
Кедров растут, растут олеандры.
Лес на целое поприще рвы окружают,
И еще на две трети рвы окружают.
Далее недостает почти шестидесяти стихов.
ЭнКиду уста открыл, вещает Гильгамешу:
«Хумбаба...
Один — лишь один, ничего он не может,
Чужаками мы здесь будем поодиночке,
По круче один не взойдет, а двое — взберутся,

...

Втрое скрученный канат не скоро порвется,
Два львенка вместе — льва сильнее!

Гильгамеш ему вещает, ЭнКиду:

«Когда подойдем мы убить Хумбабу,
Лучи сиянья в смятенье исчезнут,
Лучи сиянья исчезнут, свет затмится!»

ЭнКиду ему вещает, Гильгамешу:

«Друг мой, птичку поймай, — не уйдут и цыплята!
Лучи сиянья потом поищем,
Как цыплята в траве, они разбегутся.

Самого срази, — а прислужников позже».

Как услышал Гильгамеш сотоварища слово, —

Боевой топор он поднял рукою,
Выхватил из-за пояса меч свой, —

Гильгамеш поразил его (Хумбабу) в затылок,

Его друг, ЭнКиду, его в грудь ударил;

На третьем ударе пал он,

Замерли его буйные члены,

Сразили они наземь стража, Хумбабу, —

На два поприща вокруг застонали кедры:

С ним вместе убил ЭнКиду леса и кедры.

Сразил ЭнКиду стража леса,

Чье слово чтили Ливан и Сариа,

Покой объял высокие горы,

Покой объял лесистые вершины.

Он сразил защитников кедра —

Разбитые лучи Хумбабы.

Когда их всех семерых убил он,

Боевую сеть и кинжал в семь талантов, —

Груз в восемь талантов, — снял с его тела,

Жилище Ануннаков тайное открыл он.

Гильгамеш деревья рубит, ЭнКиду пни корчует.

ЭнКиду ему вещает, Гильгамешу:

«Друг мой, Гильгамеш! Мы кедр убили, —

Повесь боевой топор на пояс,

Возлей перед Шамашем возлиянье, —

На берег Евфрата доставим кедры».

Он умыл свое тело, все оружие блестело,

Со лба на спину власы он закинул,

С грязным он разлучился, чистым он облачился.

Как накинул он плащ и стан подпоясал,
Как венчал Гильгамеш себя тиарой, —
На красоту Гильгамеша подняла очи государыня Иштар:
«Давай, Гильгамеш, будь мне супругом,
Зрелость тела в дар подари мне!
Ты лишь будешь мне мужем, я буду женою!
Приготовлю для тебя золотую колесницу,
С золотыми колесами, с янтарными рогами,
А впрягут в нее бури — могучих мулов.
Войди в наш дом в благоухании кедра!
Как входить ты в дом наш станешь,
И порог и престол да целуют твои ноги,
Да преклонят колени государи, цари и владыки,
Да несут тебе данью дар холмов и равнины,
Твои козы тройней, а овцы двойней да рожают,
Твой вьючный осел пусть догонит мула,
Твои кони в колеснице да будут горды в беге,
Под ярмом волы твои да не ведают равных!»
Гильгамеш уста открыл и молвит, вещает он государыне Иштар:
«Зачем ты хочешь, чтоб я взял тебя в жены?
Я дам тебе платье, еля для тела,
Я дам тебе мяса в пропитанье и в пищу,
Накормлю тебя хлебом, достойным богини,
Вином напою, достойным царицы,
Твое жилище пышно украшу,
Твои амбары зерном засыплю,
Твои кумиры одену в одежды, —
Но в жены себе тебя не возьму я!
Ты — жаровня, что гаснет в холод,
Черная дверь, что не держит ветра и бури,
Дворец, обвалившийся на голову герою,
Слон, растоптавший свою попону,
Смола, которой обварен носильщик,
Мех, из которого облит носильщик,
Плита, не сдержавшая каменную стену,
Таран, предавший жителей во вражью землю,
Сандалия, жмущая ногу господина!
Какого супруга ты любила вечно,
Какую славу тебе возносят?
Давай перечислю, с кем ты блудила!
Супругу юности твоей, Думузи,

Из года в год ты судила рыданья.
Птичку-пастушка еще ты любила —
Ты его ударила, крылья сломала;
Он живет среди лесов и кричит: «Мои крылья!»
И льва ты любила, совершенного силой, —
Семь и семь ему ты вырыла ловушек.
И коня ты любила, славного в битве, —
Кнут, узду и плеть ты ему судила,
Семь поприщ скакать ты ему судила,
Мутное пить ты ему судила,
Его матери, Силили, ты судила рыданья.
И еще ты любила пастуха-козопаса,
Что тебе постоянно носил зольные хлебцы,
Каждый день сосунков тебе резал;
Ты его ударила, превратила в волка, —
Гоняют его свод же подпаски,
И собаки его за ляжки кусают.
Ишуллану, садовника отца, ты любила.
Что тебе постоянно носил фиников гроздь,
Каждый день тебе стол украшая, —
Подняла ты очи, к нему подошла ты:
«О мой Ишуллану, твоей зрелости вкусим,
И, рукою обнажась, коснись нашего лона!»
Ишуллану тебе отвечает:
«Чего ты от меня пожелала?
Чего мать не пекла моя, того не едал я, —
Как же буду есть хлеб прегрешенья и скверны?
Будет ли рогожа мне от стужи укрытьем?»
Ты же, услышав эти речи,
Ты его ударила, в паука превратила,
Поселила его среди тяжелой работы, —
Из паутины не вылезть, не спуститься на пол.
И со мной, полюбив, ты так же поступишь!»
Как услышала Иштар эти речи,
Иштар разъярилась, поднялась на небо,
Поднявшись, Иштар пред отцом своим, Ану, плачет,
Пред Анту, ее матерью, бегут ее слезы:
«Отец мой, Гильгамеш меня посрамляет,
Гильгамеш перечислил мои прегрешенья,
Все мои прегрешенья и все мои скверны».
Ану уста открыл и молвит, вещает ей, государыне Иштар:

«Разве не ты оскорбила царя Гильгамеша,
Что Гильгамеш перечислил твои прегрешенья,
Все твои прегрешенья и все твои скверны?»
Иштар уста открыла и молвит, вещает она отцу своему, Ану:
«Отец, создай Быка мне, чтоб убил Гильгамеша в его жилище,
За обиду Гильгамеш поплатиться должен!
Если же ты Быка не дашь мне —
Поражу я Гильгамеша в его жилище,
Проложу я путь в глубину преисподней,
Подниму я мертвых, чтоб живых пожирали, —
Станет меньше тогда живых, чем мертвых!»
Ану уста открыл и молвит, вещает ей, государыне Иштар:
«Если от меня ты Быка желаешь,
В краю Урука будут семь лет мякины.
Сена для скота должна собрать ты,
Для степного зверья должна травы взрастить ты».
Иштар уста открыла и молвит, вещает она отцу своему, Ану:
«Для скота я сена в Уруке скопила,
Для степного зверья травы взрастила.
Далее недостает трех-четырех стихов, где говорилось о небесном Быке.
Как услышал Ану эти речи,
Ее он уважил, Быка он создал,
...
В Урук с небес погнала его Иштар.
Когда достиг он улиц Урука,
...
Спустился к Евфрату, в семь глотков его выпил — река иссякла.
От дыханья Быка разверзлась яма,
Сто мужей Урука в нее свалились.
От второго дыханья разверзлась яма.
Двести мужей Урука в нее свалились.
При третьем дыханье стал плевать на ЭнКиду;
Прыгнув, ЭнКиду за рог Быка ухватился,
Бык в лицо ему брызнул слюною,
Всею толщей хвоста его ударил.
ЭнКиду уста открыл и молвит, вещает он Гильгамешу:
«Друг мой, гордимся мы нашей отвагой,
Что же мы ответим на эту обиду?»
«Друг мой, видал я Быка свирепость,
Но силы его для нас не опасны.
Вырву ему сердце, положу перед Шамашем, —

Я и ты — Быка убьём мы,
Встану я над его трупом в знак победы,
Наполню рога елеем — подарю Лугальбанде!
За толщу хвоста его ухвати ты,
А я между рогами, меж затылком и шеей,
поражу его кинжалом...».

Погнал ЭнКиду, Быка повернул он,
За толщу хвоста его ухватил он,

...

А Гильгамеш, как увидел дело храброго героя и верного друга, —
Между рогами, меж затылком и шеей
Быка поразил кинжалом.

Как Быка они убили, ему вырвали сердце, перед Шамашем положили,
Удалившись, перед Шамашем ниц склонились,
Отдыхать уселись оба брата.

Взобралась Иштар на стену огражденного Урука,
В скорби распостёрлась, бросила проклятье:
«Горе Гильгамешу! Меня он опозорил, Быка убивши!»

Услыхал ЭнКиду эти речи Иштар,
Вырвал корень Быка, в лицо ей бросил:
«А с тобой — лишь достать бы, — как с ним бы я сделал,
Кишки его на тебя намотал бы!»

Созвала Иштар любодеиц, блудниц и девок,
Корень Быка оплакивать стали.

А Гильгамеш созвал мастеров всех ремесел, —
Толщину рогов мастера хвалили.

Тридцать мин лазури — их отливка,
Толщиною в два пальца их оправа,
Шесть мер елея, что вошло в оба рога,
Подарил для помазанья своему богу Лугальбанде,
А рога прибил у себя над хозяйским ложем.

Они руки свои омыли в Евфрате,
Обнялись, отправились, едут улицей Урука,
Толпы Урука на них взирают.

Гильгамеш вещает слово простолюдинкам Урука:

«Кто же красив среди героев,
Кто же горд среди мужей?
Гильгамеш красив среди героев,
ЭнКиду горд среди мужей!»

Бык богинин, кого мы изгнали в гневе.
Не достиг на улицах полноты желанья,

...!»

Гильгамеш во дворце устроил веселье,
Заснули герои, лежат на ложе ночи,
Заснул ЭнКиду — и сон увидел,
Поднялся ЭнКиду и сон толкует:
Вещает своему он другу:
Слушай мой сон, что я видел ночью:
Ану, Элليلь и Шамаш меж собой говорили.

И Ану Элллию вещает:

«Зачем они сразили Быка и Хумбабу?»

Ану сказал: «Умереть подобает
Тому, кто у гор похитил кедры!»

Элليلь промолвил: «Пусть умрет ЭнКиду,
Но Гильгамеш умереть не должен!»

Отвечает Шамаш Элллию-герою:

«Не твоим ли веленьем убиты Бык и Хумбаба?

Должен ли ныне ЭнКиду умереть безвинно?»

Разгневался Элليلь на Шамаша-героя:

«То-то ежедневно в их товарищах ты ходишь!»

Слег ЭнКиду перед Гильгамешем,

По лицу Гильгамеша побежали слезы:

«Брат, милый брат! Зачем вместо брата меня оправдали?»

И еще: «Неужели сидеть мне с призраком, у могильного входа?

Никогда не увидеть своими очами любимого брата?»

Возможно, сюда же относится отрывок Периферийной» версии на
аккадском языке, найденный в Мегиддо в Палестине:

...

ЭнКиду прикоснулся к его руке, говорит Гильгамешу:

«Не рубил я кедра, не убивал я Хумбабу.

...

...

В кедровом лесу, где обитают боги,

Не убил ни одного я кедра!»

Гильгамеш от голоса его пробудился,

И герою так он вещает:

«Благ этот сон и благоприятен

Драгоценен и благ, хотя и труден...»

По-видимому, сюда же относится отрывок Ниневийской версии, хотя,
возможно, в ней ему предшествовал текст, сильно отличавшийся от
приведенной выше Периферийной. После нескольких сильно
разрушенных стихов из речи ЭнКиду идут такие стихи:

ЭнКиду уста открыл и молвит, вещает он Гильгамешу:
«Давай, мой друг, пойдём и Эллилю попросим!»
У входа в храм они остановились,
Деревянную дверь они увидели.
Ибо Эллилю её подарил ЭнКиду,
ЭнКиду уста открыл и молвит, вещает он Гильгамешу:
«Из-за двери деревянной беда случилась!»
ЭнКиду поднял на дверь свои очи,
С дверью беседует, как с человеком:
«Деревянная дверь, без толка и смысла,
Никакого в ней разумения нету!
Для тебя я дерево искал за двадцать поприщ,
Пока не увидел длинного кедра, —
Тому дереву не было равных в мире!
Восемнадцать сажён ты высотой, шесть сажён ты шириною,
Твой засов, петля и» задвижка длиною двенадцать локтей.
Изготовил, доставил тебя, в Ниппуре украсил —
Знал бы я, дверь, что такова будет расплата,
Что благо такое ты принесёшь мне, —
Взял бы топор я, порубил бы в щепы,
Связал бы плот — и пустил бы по водам!
Далее четыре непонятных стиха.
Ану и Иштар мне того не простили!
Ныне же, дверь, — зачем я тебя сделал?
Сам погубил себя благочестивым даром!
Пусть бы будущий царь тебя оправил,
Пусть бы бог изготовил твои дверные створки,
Стер бы мое имя, свое написал бы,
Сорвал бы мою дверь, а свою поставил!»
Его слово услышав, сразу жарко заплакал,
Услыхал Гильгамеш слово друга, ЭнКиду, — побежали его слезы.
Гильгамеш уста открыл и молвит, вещает ЭнКиду:
«Тебе бог даровал глубокий разум, мудрые речи —
Человек ты разумный — а мыслишь так странно!
Зачем, мой друг, ты мыслишь так странно?
Драгоценен твой сон, хоть много в нём страха:
Как мушинные крылья, ещё трепещут твои губы!
Много в нём страха, но сон этот дорог:
Для живого — тосковать — его доля,
Сон тоску оставляет для живого!
А теперь помолюсь я богам великим, —

Милость взыскуя, обращаюсь к твоему богу:
Пусть, отец богов, будет милостив Ану,
Даже Элليلь да сжалится, смилуется Шамаш, —
Златом без счета их украшу кумиры!»
Услыхал его Шамаш, воззвал к нему с неба:
«Не трать, о царь, на кумиры злата, —
Слово, что сказано, бог не изменит,
Слово, что сказано, не вернет, не отменит,
Жребий, что брошен, не вернет, не отменит, —
Судьба людская проходит, — ничто не останется в мире!»
На веление Шамаша поднял голову ЭнКиду,
Перед Шамашем бегут его слезы:
«Я молю тебя, Шамаш, из-за судьбы моей враждебной —
Об охотнике, ловце-человеке, —
Он не дал достичь мне, чего друг мой достигнул,
Пусть охотник не достигнет, чего друзья его достигли!
Пусть будут руки его слабы, прибыль скуден,
Пусть его пред тобою уменьшится доля,
Пусть зверь в ловушку нейдет, а в щели уходит!
Пусть охотник не исполнит желания сердца!
На Шамхат во гневе навел он проклятье:
«Давай, блудница, тебе долю назначу,
Что не кончится на веки вечные в мире;
Проклянута великим проклятьем,
Чтобы скоро то проклятье тебя бы постигло:
Пусть ты не устроишь себе дома на радость,
Пусть ты не полюбишь нагуляной дочки,
Пусть не введешь на посиделки девичьи,
Пусть заливают пивом твое прекрасное лоно,
Пусть пьяный заблюет твое платье в праздник,
Пусть он отберет твои красивые бусы,
Пусть горшечник вдогонку тебе глину швыряет,
Пусть из светлой доли ничего тебе не будет,
Чистое серебро, гордость людей и здоровье,
Пусть у тебя не водятся в доме,
Пусть будут брат наслаждение от тебя у порогов,
Перекрестки дорог тебе будут жилищем,
Пустыри пускай тебе будут ночевкой,
Тень стены обиталищем будет,
Отдыха пусть твои ноги не знают,
По щекам пусть бьют калека и пьяный,

Пусть кричит на тебя жена верного мужа,
Пусть не чинит твою кровлю строитель,
В щелях стен пусть поселятся совы пустыни,
Пусть к тебе на пир не сходятся гости,

...

...

Пусть проход в твоё лоно закроется гноем,
Пусть дар будет нищ за раскрытое лоно, —
Ибо чистому мне притворилась ты супругой,
И над чистым мною ты обман совершила!»

Шамаш услышал уст его слово, —

Внезапно с неба призыв раздался:

«Зачем, ЭнКиду, блудницу Шамхат ты проклял,

Что кормила тебя хлебом, достойным бога,

Питьем поила, царя достойным,

Тебя великой одеждой одела

И в сотоварищи добрые тебе дала Гильгамеша?

Теперь же Гильгамеш, и друг и брат твой,

Уложит тебя на великом ложе,

На ложе почетном тебя уложит,

Поселит тебя слева, в месте покоя;

Государи земли облобызают твои ноги,

Велит он оплакать тебя народу Урука,

Веселым людям скорбный обряд поручит,

А сам после тебя он рубище наденет,

Львиной шкурой облачится, бежит в пустыню».

Услыхал ЭнКиду слово Шамаша-героя, —

У него успокоилось гневное сердце,

Усмирилась разъярённая печень.

«Давай, блудница, я иное назначу:

Пусть тебя покинувший к тебе вернется,

Государи, цари и владыки пусть тебя полюбят,

Тебя увидавший пусть тебе изумится,

Герой для тебя пусть встряхнет кудрями,

Не задержит тебя страж, а тот пусть пояс развяжет,

Даст стеклянные блески, лазурь и золото,

Кованые серьги тебе пусть подарит, —

А за то ему ливнем зерно польется;

В храм богов заклинатель пусть тебя приводит,

Для тебя пусть покинут мать семерых, супругу!»

В утробу ЭнКиду боль проникла,

На ложе ночи, где лежал он одиноко.
Все свои скорби он поведал другу:
«Слушай, друг мой! Сон я видел ночью —
Вопияло небо, земля отвечала,
Только я стою между ними
Да один человек — лицо его мрачно,
Птице бури он лицом подобен,
Его крылья — орлиные крылья, его когти — орлиные когти,
Он за волосы схватил, меня одолел он,
Я его ударил — как скакалка, он скачет,
Он меня ударил — исцелил мою рану,
Но, как тур, на меня наступил он,
Сжал, как тисками, все мое тело.
«Друг мой, спаси меня!» Не мог спасти ты,
Ты убоился, не мог сражаться,
Ты лишь...
Он ко мне прикоснулся, превратил меня в птаху,
Крылья, как птичьи, надел мне на плечи:
Взглянул и увел меня в дом мрака, жилище Иркаллы,
В дом, откуда вошедший никогда не выходит,
В путь, по которому не выйти обратно,
В дом, где живущие лишаются света,
Где их пища — прах и еда их — глина,
А одеты, как птицы, — одеждою крыльев,
И света не видят, но во тьме обитают,
А засовы и двери покрыты пылью!
В Доме праха, куда вступил я,
Поглядел я — венцы смиренны:
Я послушал, — венценосцы, что в прежние дни владели миром,
Ану и Эллилю подносят жареное мясо,
Ставят хлеб печеный, холодную, из меха, возливают воду.
В Доме праха, куда вступил я,
Живут жрец и служка, живут волхв и одержимый,
Живут священники богов великих,
Живет Этана, живет Сумукан,
Живет Эрешкигаль, земли царица;
Белет-цери, дева-писец земли, перед ней на коленях,
Таблицу судеб держит, пред нею читает, —
Подняла лицо, меня увидала:
«Смерть уже взяла того человека!»
Далее недостает около пятидесяти стихов; ЭнКиду видел еще сон;

рассказ о нем кончается словами:

...Мы с тобою вместе все труды делили, —

Помни меня, друг мой, не забудь мои деянья!»

Друг его увидел сон необъясненный,

Когда сон он увидел, его иссякла сила.

Лежит ЭнКиду на ложе,

Первый день, второй день, что лежит ЭнКиду на ложе,

Третий день и четвертый, что лежит ЭнКиду на ложе.

Пятый, шестой и седьмой, восьмой, девятый и десятый, —

Стал недуг тяжелей у ЭнКиду,

Одиннадцатый и двенадцатый дни миновались —

На ложе своем приподнялся ЭнКиду,

Кликнул Гильгамеша, ему вещает:

«Друг мой отныне меня возненавидел, —

Когда в Уруке мы с ним говорили,

Я боялся сраженья, а он был мне в помощь;

Друг, что в бою спасал, — почему меня покинул?

Я и ты — не равно ли мы смертны?»

Едва занялось сияние утра,

Гильгамеш уста открыл и молвит:

«ЭнКиду, друг мой, твоя мать антилопа

И онагр, твой отец, тебя породили,

Молоком своим тебя звери возрастили

И скот в степи на пастбищах дальних!

В кедровом лесу стези ЭнКиду

По тебе да плачут день и ночь неумолчно,

Да плачут старейшины огражденного Урука,

Да плачет руку нам вслед простиравший,

Да плачут уступы гор лесистых,

По которым мы с тобою всходили,

Да рыдает пажить, как мать родная,

Да плачут соком кипарисы и кедры,

Средь которых с тобою мы пробирались,

Да плачут медведи, гиены, барсы и тигры,

Козероги и рыси, львы и туры,

Олени и антилопы, скот и тварь степная,

Да плачет священный Евлей, где мы гордо ходили по берегу,

Да плачет светлый Евфрат, где мы черпали воду для меха,

Да плачут мужи обширного огражденного Урука,

Да плачут жены, что видали, как Быка мы убили,

Да плачет земледелец доброго града, твое славивший имя,

Да плачет тот, кто, как древними людьми, гордился тобою,
Да плачет тот, кто накормил тебя хлебом,
Да плачет рабыня, что умастила твои ноги,
Да плачет раб, кто вина к устам твоим подал,
Да плачет блудница, тебя умастившая добрым елеем,
Да плачет в брачный покой вступивший,
Обретший супругу твоим добрым советом,
Братья да плачут по тебе, как сестры,
В скорби да рвут волосы над тобою!
Словно мать и отец в его дальних кочевьях,
Я об ЭнКиду буду плакать:
Внимайте же мне, мужи, внимайте,
Внимайте, старейшины огражденного Урука!
Я об ЭнКиду, моем друге, плачу,
Словно плакальщица, горько рыдаю:
Мощный топор мой, сильный оплот мой,
Верный кинжал мой, надежный щит мой,
Праздничный плащ мой, пышный убор мой, —
Демон злой у меня его отнял!
Младший мой брат, гонитель онагров в степи, пантер на просторах!
ЭнКиду, младший мой брат, гонитель онагров в степи, пантер на
просторах!
С кем мы, встретившись вместе, поднимались в горы,
Вместе схвативши, Быка убили, —
Что за сон теперь овладел тобою?
Стал ты темен и меня не слышишь!»
А тот головы поднять не может.
Тронул он сердце — оно не бьется.
Закрыл он другу лицо, как невесте,
Сам, как орел, над ним кружит он,
Точно львица, чьи львята — в ловушке,
Мечется грозно взад и вперед он,
Словно кудель, раздирает волосы он,
Словно скверну, срывает одежду.
Едва занялось сияние утра,
Гильгамеш по стране созывает кличем
Ваятелей, медников, кузнецов, камнерезов.
«Друг мой, сделаю кумир твой,
Какого никто не делал другу:
Друга рост и облик в нем будет явлен, —
Подножье из камня, волосы — из лазури,

Лицо — из алебастра, из золота — тело.
Далее недостает около двадцати стихов.
...Теперь же я, и друг и брат твой,
Тебя уложил на великом ложе,
На ложе почетном тебя уложил я,
Поселил тебя слева, в месте покоя,
Государи земли облобызали твои ноги,
Велел оплакать тебя народу Урука,
Веселым людям скорбный обряд поручил я,
А сам после друга рубище надел я,
Львиной шкурой облачился, бегу в пустыню!»
Едва занялось сияние утра...
Далее недостает более сотни стихов.
Едва занялось сияние утра,
Гильгамеш изготовил из глины фигурку,
Вынес стол большой, деревянный,
Сосуд из сердолика наполнил медом,
Сосуд из лазури наполнил маслом,
Стол украсил и для Шамаша вынес.
Эллиль услышал уст его слово —
Внезапно с неба призыв раздался:
«Издrevле, Гильгамеш, назначено людям:
Земледелец, пашет землю, урожай собирает,
Пастух и охотник со зверьем обитает,
Надевает их шкуру, ест их мясо.
Ты же хочешь, Гильгамеш, чего не бывало,
С тех пор как мой ветер гонит воды».
Опечалился Шамаш, к нему явился,
Вещает он Гильгамешу:
«Гильгамеш, куда ты стремишься?
Жизни, что ищешь, не найдешь ты!»
Гильгамеш ему вещает, Шамашу-герою:
«После того как бродил по свету,
Разве довольно в земле покоя?
Видно, проспал я все эти годы!
Пусть же солнечным светом насытятся очи:
Пуста темнота, как нужно света!
Можно ль мертвому видеть сияние солнца?»
Гильгамеш об ЭнКиду, своем друге,
Горько плачет и бежит в пустыню:
«И я не так ли умру, как ЭнКиду?

Тоска в утробу мою проникла,
Смерти страшусь и бегу в пустыню.
Под власть Утнапишти, сына Убар-Туту,
Путь я предпринял, иду поспешно.
Перевалов горных достигнув ночью,
Львов я видал, и бывало мне страшно, —
Главу подымая, молюсь я Сину,
И ко всем богам идут мои молитвы:
Как прежде бывало, меня сохраните!»
Ночью он лег, — от сна пробудившись,
Видит, львы резвятся, радуясь жизни.
Боевой топор он поднял рукою,
Выхватил из-за пояса меч свой, —
Словно копье, упал между ними,
Ударял, повергал, убивал и рубил он.
Далее недостает около тридцати стихов.
Он слышал о горах, чье имя — Машу,
Как только к этим горам подошел он,
Что восход и закат стерегут ежедневно,
Наверху металла небес достигают,
Внизу — преисподней их грудь достигает, —
Люди-скорпионы стерегут их ворота:
Грозен их вид, их взоры — гибель,
Их мерцающий блеск повергает горы —
При восходе и закате Солнца они охраняют Солнце, —
Как только их Гильгамеш увидел —
Ужас и страх его лицо помрачили.
С духом собрался, направился к ним он.
Человек-скорпион жене своей крикнул:
«Тот, кто подходит к нам, — плоть богов — его тело!»
Человеку-скорпиону жена отвечает:
«На две трети он бог, на одну — человек он!»
Человек-скорпион Гильгамешу крикнул,
Потомку богов вещает слово:
«Почему идешь ты путем далеким,
Какою дорогой меня достиг ты,
Реки переплыл, где трудна переправа?
Зачем ты пришел, хочу узнать я,
Куда путь твой лежит, хочу узнать я!»
Гильгамеш ему вещает, человеку-скорпиону:
«Младший мой брат, гонитель онагров в степи, пантер на просторах,

ЭнКиду, младший мой брат, гонитель онагров горных, пантер на просторах,
С кем мы, встретившись вместе, подымались в горы,
Вместе схвативши, Быка убили,
В кедровом лесу погубили Хумбабу,
Друг мой, которого так любил я,
С которым мы все труды делили,
ЭнКиду, друг мой, которого так любил я,
С которым мы все труды делили, —
Его постигла судьба человека!
Шесть дней миновало, семь ночей миновало,
Пока в его нос не проникли черви.
Устрашился я смерти, не найти мне жизни:
Мысль о герое не дает мне покоя!
Дальней дорогой бегу в пустыне:
Мысль об ЭнКиду, герое, не дает мне покоя —
Дальним путем скитаюсь в пустыне!
Как же смолчу я, как успокоюсь?
Друг мой любимый стал землею!
ЭнКиду, друг мой любимый, стал землею!
Так же, как он, и я не лягу ль,
Чтоб не встать во веки веков?
Теперь же, скорпион, тебя я встретил, —
Смерти, что страшусь я, пусть не увижу!

...

К Утнапишти, отцу моему, иду я поспешно,
К тому, кто, выжив, в собранье богов был принят и жизнь обрел в нем:
Я спрошу у него о жизни и смерти!»
Человек-скорпион уста открыл и молвит, вещает он Гильгамешу:
«Никогда, Гильгамеш, не бывало дороги,
Не ходил никто еще ходом горным:
На двенадцать поприщ простирается внутрь он:
Темнота густа, не видно света —
При восходе Солнца закрывают ворота,
При заходе Солнца открывают ворота,
При заходе Солнца опять закрывают ворота,
Выводят оттуда только Шамаша боги,
Опалает живущих он сияньем, —
Ты же — как ты сможешь пройти тем ходом?
Ты войдешь и больше оттуда не выйдешь!»
Далее недостает более пятидесяти стихов.
Гильгамеш ему вещает, человеку-скорпиону:

...

В тоске моей плоти, в печали сердца,
И в жар и в стужу, в темноте и во мраке,
Во вздохах и плаче, — вперед пойду я!
Теперь открой мне ворота в горы!»

Человек-скорпион уста открыл и молвит, вещает он Гильгамешу:

«Иди, Гильгамеш, путем своим трудным,
Горы Машу ты да минуешь,

Леса и горы да пройдешь отважно,
Да вернешься обратно благополучно!

Ворота гор для тебя открытые.

Гильгамеш, когда услышал это,

Человеку-скорпиону был послушен,

По дороге Шамаша стопы он направил.

Первое поприще уже прошел он —

Темнота густа, не видно света,

Ни вперед, ни назад нельзя ему видеть.

Второе поприще уже прошел он —

Темнота густа, не видно света,

Ни вперед, ни назад нельзя ему видеть.

Третье поприще пройдя, он вспять обратился.

С духом собрался, вперед зашагал он.

Четвертое поприще уже прошел он —

Темнота густа, не видно света,

Ни вперед, ни назад нельзя ему видеть,

Пятое поприще уже прошел он —

Темнота густа, не видно света,

Ни вперед, ни назад нельзя ему видеть.

Шестое поприще уже прошел он —

Темнота густа, не видно света,

Ни вперед, ни назад нельзя ему видеть,

Седьмое поприще пройдя — он прислушался к мраку:

Темнота густа, не видно света,

Ни вперед, ни назад нельзя ему видеть.

Восьмое поприще пройдя, — в темноту он крикнул:

Темнота густа, не видно света,

Ни вперед, ни назад нельзя ему видеть.

На девятом поприще холодок он почувал, —

Дыхание ветра его лица коснулось, —

Темнота густа, не видно света,

Ни вперед, ни назад нельзя ему видеть,

На десятом поприще стал выход близок, —
Но, как десять поприщ, поприще это.
На одиннадцатом поприще пред рассветом брезжит,
На двенадцатом поприще свет появился,
Поспешил он, рошу из каменьев увидев!
Сердолик плоды приносит,
Гроздьями увешан, на вид приятен.
Лазурит растет листвою —
Плодоносит тоже, на вид забавен.
Сидури — хозяйка богов, что живет на обрыве у моря,
Живет она и брагой их угощает:
Ей дали кувшин, ей дали золотую чашу, —
Покрывалом покрыта, незрима людям.
Гильгамеш приближается к ее жилищу,
Шкурой одетый, покрытый прахом,
Плоть богов таится в его теле,
Тоска в утробе его обитает,
Идущему дальним путем он лицом подобен.
Хозяйка издали его увидала,
Своему она сердцу, помыслив, вещает,
Сама с собою совет она держит:
«Наверное, это — убийца буйный,
Кого хорошего тут увидишь?»
Увидав его, хозяйка затворила двери,
Затворила двери, засов заложила.
А он, Гильгамеш, тот стук услышал,
Поднял лицо и к ней обратился.
Гильгамеш ей вещает, хозяйке:
«Хозяйка, ты что увидала, зачем затворила двери,
Затворила двери, засов заложила?
Ударю я в дверь, разломаю затворы!»
...
Сидури-хозяйка крикнула Гильгамешу,
Потомку богов вещает слово:
«Почему идешь ты путем далеким,
Какою дорогой меня достиг ты,
Реки переплыл, где трудна переправа?
Зачем ты пришел, хочу узнать я,
Куда путь твой лежит, хочу узнать я!»
Гильгамеш ей вещает, хозяйке Сидури:
«Я — Гильгамеш, убивший стража леса,

В кедровом лесу погубивший Хумбабу,
Сразивший Быка, что спустился с неба,
Перебивший львов на перевалах горных».

Хозяйка ему вещает, Гильгамешу:

«Если ты — Гильгамеш, убивший стража леса,
В кедровом лесу погубивший Хумбабу,
Сразивший Быка, что спустился с неба,
Перебивший львов на перевалах горных, —
Почему твои щеки впали, голова поникла,
Печально сердце, лицо увяло,
Тоска в утробе твоей обитает,
Идущему дальним путем ты лицом подобен,
Жара и стужи лицо спалили,
И марева ищешь, бежишь по пустыне?»

Гильгамеш ей вещает, хозяйке:

«Как не впасть моим щекам, голове не поникнуть,
Не быть сердцу печальным, лицу не увянуть,
Тоске в утробу мою не проникнуть,
Идущему дальним путем мне не быть подобным,
Жаре и стуже не спалить чело мне?

Младший мой брат, гонитель онагров в степи, пантер на просторах,
ЭнКиду, младший мой брат, гонитель онагров в степи, пантер на просторах,
С кем мы, встретившись вместе, поднимались в горы,
Вместе схвативши, Быка убили,
В кедровом лесу погубили Хумбабу,
Друг мой, которого так любил я,
С которым мы все труды делили,
ЭнКиду, друг мой, которого так любил я,
С которым мы все труды делили, —
Его постигла судьба человека!

Шесть дней, семь ночей над ним я плакал,

Не предавая его могиле, —

Не встанет ли друг мой в ответ на мой голос?

Пока в его нос не проникли черви!

Устрашился я смерти, не найти мне жизни!

Словно разбойник, брожу в пустыне:

Слово героя не дает мне покоя —

Дальней дорогой бегу в пустыне:

Слово ЭнКиду, героя, не дает мне покоя —

Дальним путем скитаюсь в пустыне:

Как же смолчу я, как успокоюсь?

Друг мой любимый стал землею!
ЭнКиду, друг мой любимый, стал землею!
Так же, как он, и я не лягу ль,
Чтоб не встать во веки веков?
Теперь же, хозяйка, тебя я встретил, —
Смерти, что страшусь я, пусть не увижу!»
Хозяйка ему вещает, Гильгамешу:
«Гильгамеш! Куда ты стремишься?
Жизни, что ищешь, не найдешь ты!
Боги, когда создавали человека, —
Смерть они определили человеку, —
Жизнь в своих руках удержали.
Ты же, Гильгамеш, насыщай желудок,
Днем и ночью да будешь ты весел,
Праздник справляй ежедневно,
Днем и ночью играй и пляши ты!
Светлы да будут твои одежды,
Волосы чисты, водой омывайся,
Гляди, как дитя твою руку держит,
Своими объятьями радуй подругу —
Только в этом дело человека!»
Гильгамеш ей вещает, хозяйке:
«Теперь, хозяйка, — где путь к Утнапишти?
Каков его признак, — дай его мне ты,
Дай же ты мне пути того признак:
Если возможно — переправлюсь морем,
Если нельзя — побегу пустыней!»
Хозяйка ему вещает, Гильгамешу:
«Никогда, Гильгамеш, не бывало переправы,
И не мог переправиться морем никто, здесь бывавший издревле, —
Шамаш-герой переправится морем, —
Кроме Шамаша, кто это может?
Трудна переправа, тяжела дорога,
Глубоки воды смерти, что ее преграждают.
А что, Гильгамеш, переправившись морем, —
Вод смерти достигнув, — ты будешь делать?
Есть, Гильгамеш, Уршанаби, корабельщик Утнапишти,
У него есть идола, в лесу он ловит змея;
Найди его и с ним повидайся,
Если возможно — с ним переправься,
Если нельзя, то вспять обратися».

Гильгамеш, как услышал эти речи,
Боевой топор он поднял рукою,
Выхватил из-за пояса меч свой,
Меж деревьев углубился в заросль,
Словно копье упал между ними,
Идолов разбил, во внезапном буйстве,
Змея волшебного нашел среди леса,
Удушил его своими руками.
Когда же Гильгамеш насытился буйством,
В его груди успокоилась ярость,
Сказал он в своем сердце: «Не найти мне лодки!
Как одолею воды смерти,
Как переправлюсь чрез широкое море?»
Гильгамеш удержал свое буйство,
Из леса вышел, к Реке спустился.
По водам Уршанаби плыл на лодке,
Лодку к берегу он направил.
Гильгамеш ему вещает, корабельщику Уршанаби:
«Я — Гильгамеш, таково мое имя,
Что пришел из Урука, дома Ану,
Что бродил по горам путем далеким с восхода Солнца».
Уршанаби ему вещает, Гильгамешу:
«Почему твои щеки впали, голова поникла,
Печально сердце, лицо увяло,
Тоска в утробе твоей обитает,
Идущему дальним путем ты лицом подобен,
Жара и стужа лицо опалили,
И марева ищешь, бежишь по пустыне?»
Гильгамеш ему вещает, корабельщику Уршанаби:
«Как не впасть моим щекам, голове не поникнуть,
Не быть сердцу печальным, лицу не увянуть,
Тоске в утробу мою не проникнуть,
Идущему дальним путем мне не быть подобным,
Жаре и стуже не спалить чело мне,
Не искать мне марева, не бежать по пустыне?
Младший мой брат, гонитель онагров в степи, пантер на просторах,
ЭнКиду, младший мой брат, гонитель онагров в степи, пантер на
просторах,
С кем мы, встретившись вместе, подымались в горы,
Вместе схвативши, Быка убили,
На перевалах горных львов убивали,

В кедровом лесу погубили Хумбабу,
Друг мой, которого так любил я,
С которым мы все труды делили,
ЭнКиду, друг мой, которого так любил я,
С которым мы все труды делили, —
Его постигла судьба человека!
Шесть дней миновало, семь ночей миновало,
Пока в его нос не проникли черви.
Устрашился я смерти, не найти мне жизни,
Слово героя не дает мне покоя —
Дальней дорогой бегу в пустыне!
Слово ЭнКиду, героя, не дает мне покоя —
Дальним путем скитаюсь в пустыне:
Как же смолчу я, как успокоюсь?
Друг мой любимый стал землею,
ЭнКиду, друг мой любимый, стал землею!
Так же, как он, и я не лягу ль,
Чтоб не встать во веки веков?»
Ответ Уршанаби пропущен, может быть, по небрежности писца.
Гильгамеш ему вещает, корабельщику Уршанаби:
«Теперь, Уршанаби, — где путь к Утнапишти?
Каков его признак — дай его мне ты!
Дай же ты мне пути того признак:
Если возможно — переправлюсь морем,
Если нельзя — побегу пустыней!»
Уршанаби ему вещает, Гильгамешу:
«Идолы те, Гильгамеш, мне оберегом были,
Чтобы я не прикоснулся к водам смерти;
В ярости твоей ты идолы разрушил, —
Без тех идолов тебя переправить трудно,
Возьми, Гильгамеш, топор в свою руку,
Углубися в лес, наруби шестов там,
Сто двадцать шестов по пятнадцати сажен,
Осмоли, сделай лопасти и мне принеси их».
Гильгамеш, услышав эти речи,
Боевой топор он поднял рукою,
Выхватил из-за пояса меч свой,
Углубился в лес, нарубил шестов там,
Сто двадцать шестов по пятнадцати сажен, —
Осмолил, сделал лопасти, к нему принес их.
Гильгамеш и Уршанаби шагнули в лодку,

Столкнули лодку на волны и на ней поплыли.
Путь шести недель за три дня совершили,
И вступил Уршанаби в воды смерти.
Уршанаби ему вещает, Гильгамешу:
«Отстранись, Гильгамеш, и шесть возьми ты,
Воды смерти рукою не тронь, берегися!
Второй, третий и четвертый, Гильгамеш, возьми ты,
Пятый, шестой и седьмой, Гильгамеш, возьми ты,
Восьмой, девятый и десятый, Гильгамеш, возьми ты,
Одиннадцатый и двенадцатый, Гильгамеш, возьми ты», —
На сто двадцатом кончились шесты у Гильгамеша,
И развязал он препоясанье чресел,
Скинул Гильгамеш одежду, ее развернул он,
Как парус, ее руками поднял.
Утнапишти издали их увидел,
Помыслив, сердцу своему вещает,
Сам с собою совет он держит:
«Почему это идолы на ладье разбиты,
И плывет на ней не ее хозяин?
Тот, кто подходит, — не мой человек он,
И справа гляжу я, и слева гляжу я,
Я гляжу на него — и узнать не могу я,
Я гляжу на него — и понять не могу я,
Я гляжу на него — и не ведаю, кто он.

...

Далее недостает около двадцати стихов.

Утнапишти ему вещает, Гильгамешу:

«Почему твои щеки впали, голова поникла,
Печально сердце, лицо увяло,
Тоска в утробе твоей обитает,
Идущему дальним путем ты лицом подобен,
Жара и стужа чело опалили,
И марева ищешь, бежишь по пустыне?»

Гильгамеш ему вещает, дальнему Утнапишти:

«Как не впасть моим щекам, голове не поникнуть,
Не быть сердцу печальным, лицу не увянуть,
Тоске в утробу мою не проникнуть,
Идущему дальним путем мне не быть подобным,
Жаре и стуже не спалить чело мне,
Не искать мне марева, не бежать по пустыне?
Младший мой брат, гонитель онагров в степи, пантер на просторах,

ЭнКиду, младший мой брат, гонитель онагров в степи, пантер на просторах,
С кем мы, встретившись вместе, поднимались в горы,
Вместе схвативши, Быка убили,
В кедровом лесу погубили Хумбабу,
На перевалах горных львов убивали,
Друг мой, которого так любил я,
С которым мы все труды делили,
ЭнКиду, друг мой, которого так любил я,
С которым мы все труды делили, —
Его постигла судьба человека!
Дни и ночи над ним я плакал,
Не предавая его могиле,
Пока в его нос не проникли черви.
Устрашился я смерти и бегу в пустыне, —
Слово героя не дает мне покоя,
Дальней дорогой брожу в пустыне —
Слово ЭнКиду, героя, не дает мне покоя:
Как же смолчу я, как успокоюсь?
Друг мой любимый стал землею,
ЭнКиду, друг мой любимый, стал землею!
Так же, как он, и я не лягу ль,
Чтоб не встать во веки веков?»
Гильгамеш ему вещает, дальнему Утнапишти:
«Я же, чтоб дойти до дальнего Утнапишти:
Чтоб увидеть того, о ком ходит преданье,
Я скитался долго, обошел все страны,
Я взбирался на трудные горы,
Через все моря я переправлялся,
Сладким сном не утолял свои очи,
Мучил себя непрерывным бдением,
Плоть свою я наполнил тоскою,
Не дойдя до хозяйки богов, сносил я одежду,
Убивал я медведей, гиен, львов, барсов и тигров,
Оленей и серн, скот и тварь степную,
Ел их мясо, их шкурой ублажал свое тело;
При виде меня хозяйка заперла двери,
Смолой и киром обмазал шести я,
Когда плыл на ладье, не тронул воды я, —
Да найду я жизнь, которую ищу я!»
Утнапишти ему вещает, Гильгамешу:
«Почему, Гильгамеш, ты исполнен тоскою?

Потому ль, что плоть богов и людей в твоём теле,
Потому ль, что отец и мать тебя создали смертным?
Ты узнал ли, — когда-то для смертного Гильгамеша
Было ль в собрание богов поставлено кресло?
Даны ему, смертному, пределы:

Люди — как паханье, боги — как масло,
Человеки и боги — как мякина и пшеница!
Поспешил ты шкурою, Гильгамеш, облечься,
И что царскую перевязь, её ты носишь, —
Потому что — нет у меня для тебя ответа,
Слова совета нет для тебя никакого!

Обрати лицо свое, Гильгамеш, к твоим людям:
Почему их правитель рубище носит?

...

Ярая смерть не щадит человека:
Разве навеки мы строим дома?
Разве навеки ставим печати?
Разве навеки делятся братья?
Разве навеки ненависть в людях?
Разве навеки река несёт полые воды?
Стрекозой навсегда ль обернется личинка?
Взора, что вынес бы взоры Солнца,
С давних времен ещё не бывало:
Пленный и мертвый друг с другом схожи —
Не смерти ли образ они являют?
Человек ли владыка? Когда Эллиль благословит их,
То собираются Ануннаки, великие боги,
Мамет, создавшая судьбы, судьбу с ними вместе судит:

Они смерть и жизнь определили,
Не поведали смертного часа,
А поведали: жить живому!»

Наконец они прибыли в Урук и Гильгамеш на правах хозяина
приглашает лодочника Уршанаби в свой город.

Гильгамеш ему вещает, дальнему Утнапишти:

«Гляжу на тебя я, Утнапишти,
Не чуден ты ростом — таков, как и я, ты,
И сам ты не чуден — таков, как и я, ты.

Не страшно мне с тобою сразиться;
Отдыхая, и ты на спину ложишься —

Скажи, как ты, выжив, в собрание богов был принят и жизнь обрел в
нем?»

Утнапишти ему вещает, Гильгамешу:
«Я открою, Гильгамеш, сокровенное слово
И тайну богов тебе расскажу я.

Шуриппак, город, который ты знаешь,
Что лежит на бреге Евфрата, —
Этот город древен, близки к нему боги.

Богов великих потоп устроить склонило их сердце.
Совещались отец их Ану, Эллиль, герой, их советник,
Их гонец Нинурта, их мираб Эннуги.

Светлоокий Эа с ними вместе клялся,
Но хижине он их слово поведал:

«Хижина, хижина! Стенка, стенка!

Слушай, хижина! Стенка, запомни!

Шуриппакиец, сын Убар-Туту,
Снеси жилище, построй корабль,
Покинь изобилье, заботься о жизни,
Богатство презри, спасай свою душу!

На свой корабль погрузи все живое.
Тот корабль, который ты построишь,
Очертаньем да будет четырехуголен,
Равны да будут ширина с длиною,
Как Океан, покрой его кровлей!»

Я понял и вещаю Эа, владыке:

«То слово, владыка, что ты мне молвил,
Почтить я должен, все так и исполню.

Что ж ответить мне граду — народу и старцам?»

Эа уста открыл и молвит,

Мне, рабу своему, он вещает:

«А ты такую им речь промолви:

«Я знаю, Эллиль меня ненавидит, —

Не буду я больше жить в вашем граде,

От почвы Эллиля стопы отвращу я.

Спустишь к Океану, к владыке Эа!

А над вами дождь прольет он обильно,

Тайну птиц узнаете, убежища рыбы,

На земле будет всюду богатая жатва,

Утром хлынет ливень, а ночью

Хлебный дождь вы узрите воочью».

Едва занялось сияние утра,

По зову моему весь край собрался,

...

Всех мужей я призвал на повинность —
Дома сносили, разрушали ограду.
Ребенок смолу таскает,
Сильный в корзинах снаряжение носит.
В пятеро суток заложил я кузов:
Треть десятины площадь, борт сто двадцать локтей высотой,
По сто двадцать локтей края его верха.
Заложил я обводы, чертеж начертил я:
Шесть в корабле положил я палуб,
На семь частей его разделивши ими,
Его дно разделил на девять отсеков,
Забил в него колки водяные,
Выбрал я руль, уложил снаряжение.
Три меры кира в печи расплавил;
Три меры смолы туда налил я,
Три меры носильщики натаскали елея:
Кроме меры елея, что пошла на промазку,
Две меры елея спрятал кормчий.
Для жителей града быков колол я,
Резал овец я ежедневно,
Соком ягод, маслом, сикерой, вином и красным и белым
Народ поил, как водой речною,
И они пировали, как в день новогодний.
Открыл я благовонья, умастил свои руки.
Был готов корабль в час захода Солнца.
Сдвигать его стали — он был тяжелым,
Подпирали кольями сверху и снизу,
Погрузился он в воду на две трети.
Нагрузил его всем, что имел я,
Нагрузил его всем, что имел серебра я,
Нагрузил его всем, что имел я злата,
Нагрузил его всем, что имел живой я твари,
Поднял на корабль всю семью и род мой,
Скот степной и зверье, всех мастеров я поднял.
Время назначил мне Шамаш:
«Утром хлынет ливень, а ночью
Хлебный дождь ты узришь воочью, —
Войди на корабль, засмоли его двери».
Настало назначенное время:
Утром хлынул ливень, а ночью
Хлебный дождь я увидел воочью.

Я взглянул на лицо погоды —
Страшно глядеть на погоду было.
Я вошел на корабль, засмолил его двери —
За смоление судна корабельщику Пузур-Амурри
Чертог я отдал и его богатства.
Едва занялось сияние утра,
С основанья небес встала черная туча.
Адду гремит в ее середине,
Шуллат и Ханиш идут перед нею,
Идут, гонцы, горой и равниной.
Эрагаль вырывает жерди плотины,
Идет Нинурта, гать прорывает,
Зажгли маяки Ануннаки,
Их сияньем они тревожат землю.
Из-за Адду цепенеет небо,
Что было светлым, — во тьму обратилось,
Вся земля раскололась, как чаша.
Первый день бушует Южный ветер,
Быстро налетел, затопляя горы,
Словно войною, настигая землю.
Не видит один другого;
И с небес не видать людей.
Боги потопа уstraшились,
Поднялись, удалились на небо Ану,
Прижались, как псы, растянулись снаружи.
Иштар кричит, как в муках родов,
Госпожа богов, чей прекрасен голос:
«Пусть бы тот день обратился в глину,
Раз в совете богов я решила злое,
Как в совете богов я решила злое,
На гибель людей моих войну объявила?
Для того ли рожаю я сама человеков,
Чтоб, как рыбий народ, наполняли море!»
Ануннакийские боги с нею плачут,
Боги смирились, пребывают в плаче,
Теснятся друг к другу, пересохли их губы.
Ходит ветер шесть дней, семь ночей,
Потопом буря покрывает землю.
При наступлении дня седьмого
Буря с потопом войну прекратили,
Те, что сражались подобно войску.

Успокоилось море, утих ураган — потоп прекратился.
Я открыл отдушину — свет упал на лицо мне,
Я взглянул на море — тишь настала,
И все человечество стало глиной!
Плоской, как крыша, сделалась равнина.
Я пал на колени, сел и плачу,
По лицу моему побежали слезы.
Стал высматривать берег в открытом море —
В двенадцати поприщах поднялся остров.
У горы Ницир корабль остановился.
Гора Ницир корабль удержала, не дает качаться.
Один день, два дня гора Ницир держит корабль, не дает качаться.
Три дня, четыре дня гора Ницир держит корабль, не дает качаться.
Пять и шесть гора Ницир держит корабль, не дает качаться.
При наступлении дня седьмого
Вынес голубя и отпустил я;
Отправившись, голубь назад вернулся:
Места не нашел, прилетел обратно.
Вынес ласточку и отпустил я;
Отправившись, ласточка назад вернулась:
Места не нашла, прилетела обратно.
Вынес ворона и отпустил я;
Ворон же, отправившись, спад воды увидел,
Не вернулся; каркает, ест и гадит.
Я вышел, на четыре стороны принес я жертву,
На башне горы совершил воскуренье:
Семь и семь поставил курильниц,
В их чашки наломал я мирта, тростника и кедра.
Боги почуяли запах,
Боги почуяли добрый запах,
Боги, как мухи, собрались к приносящему жертву.
Как только прибыла богиня-мать,
Подняла она большое ожерелье,
Что Ану изготовил ей на радость:
«О боги! У меня на шее лазурный камень —
Как его воистину я не забуду,
Так эти дни я воистину помню,
Во веки веков я их не забуду!
К жертве все боги пусть подходят,
Эллиль к этой жертве пусть не подходит,
Ибо он, не размыслив, потоп устроил

И моих человеков обрек истребленью!»
Эллиль, как только туда он прибыл,
Увидев корабль, разъярился Эллиль,
Исполнился гневом на богов Игигов:
«Какая это душа спаслася?
Ни один человек не должен был выжить!»
Нинурта уста открыл и молвит,
Ему вещает, Эллилю, герою:
«Кто, как не Эа, замыслы строит,
И Эа ведает всякое дело!»
Эа уста открыл и молвит,
Ему вещает, Эллилю, герою:
«Ты — герой, мудрец меж богами!
Как же, как, не размыслив, потоп ты устроил?
На согрешившего грех возложи ты,
На виноватого вину возложи ты, —
Удержись, да не будет погублен, утерпи, да не будет повержен!
Чем бы потоп тебе делать,
Лучше лев бы явился, людей поубавил!
Чем бы потоп тебе делать,
Лучше волк бы явился, людей поубавил!
Чем бы потоп тебе делать,
Лучше голод настал бы, разорил бы землю!
Чем бы потоп тебе делать,
Лучше мор настал бы, людей поразил бы!
Я ж не выдал тайны богов великих —
Многомудрому сон я послал, и тайну богов постиг он.
А теперь ему совет посоветуй!»
Поднялся Эллиль, взошел на корабль,
Взял меня за руку, вывел наружу,
На колени поставил жену мою рядом,
К нашим лбам прикоснулся, встал между нами, благословлял нас:
«Доселе Утнапишти был человеком,
Отныне ж Утнапишти нам, богам, подобен,
Пусть живет Утнапишти при устье рек, в отдаленье!»
Увели меня вдаль, при устье рек поселили.
Кто же ныне для тебя богов собрал бы,
Чтоб нашел ты жизнь, которую ищешь?
Вот, шесть дней и семь ночей не поспи-ка!»
Только он сел, раскинув ноги, —
Сон дохнул на него, как мгла пустыни.

Утнапишти ей вещает, своей подруге:
«Посмотри на героя, что хочет жизни!
Сон дохнул на него, как мгла пустыни».

Подруга его ему вещает, дальнему Утнапишти:
«Прикоснись к нему, человек да проснется!
Тем же путем да вернется спокойно,
Через те же ворота да вернется в свою землю!»

Утнапишти ей вещает, своей подруге:
«Лжив человек! Тебя он обманет:
Вот, пеки ему хлеба, клади у изголовья,
И дни, что он спит, на стене помечай-ка».

Пекла она хлеба, клала у изголовья,
И дни, что он спит, на стене отмечала.
Первый хлеб его развалился,
Треснул второй, заплесневел третий,
Четвертый — его побелела корка,
Пятый был черствым, шестой был свежим,
Седьмой — в это время его он коснулся, и тот пробудился.

Гильгамеш ему вещает, дальнему Утнапишти:
«Одолел меня сон на одно мгновение —
Ты меня коснулся, пробудил сейчас же».

Утнапишти ему вещает, Гильгамешу:
«Встань, Гильгамеш, хлеба сосчитай-ка,
И дни, что ты спал, тебе будут известны:
Первый твой хлеб развалился,
Треснул второй, заплесневел третий,
Четвертый — его побелела корка,
Пятый был черствым, шестой был свежим,
Седьмой — в это время ты пробудился».

Гильгамеш ему вещает, дальнему Утнапишти:
«Что же делать, Утнапишти, куда пойду я?
Плотью моей овладел Похититель,
В моих покоях смерть обитает,
И куда взор я ни брошу — смерть повсюду!»

Утнапишти ему вещает, корабельщику Уршанаби:
«Не тебя пусть ждет пристань, перевоз тебя пусть забудет,
Кто на берег пришел, тот к нему и стремися!
Человек, которого привел ты, — рубище связало его тело,
Погубили шкуры красоту его членов.
Возьми, Уршанаби, отведи его умыться,
Пусть свое платье он добела моет,

Пусть сбросит шкуры — унесет их море.
Прекрасным пусть станет его тело,
Новой повязкой главу пусть повяжет,
Облаченье наденет, наготу прикроет.
Пока идти он в свой город будет,
Пока не дойдет по своей дороге,
Облаченье не сносится, все будет новым!»
Взял его Уршанаби, отвел его умыться,
Добела вымыл он свое платье,
Сбросил шкуры — унесло их море,
Прекрасным стало его тело,
Новой повязкой главу повязал он,
Облаченье надел, наготу прикрыл он.
Пока идти он в свой город будет,
Пока не дойдет по своей дороге,
Облаченье не сносится, все будет новым.
Гильгамеш с Уршанаби шагнули в лодку,
Столкнули лодку на волны и на ней поплыли.
Подруга его ему вещает, дальнему Утнапишти:
«Гильгамеш ходил, уставал и трудился, —
Что ж ты дашь ему, в свою страну да вернется?»
А Гильгамеш багор уже поднял,
Лодку к берегу он направил.
Утнапишти ему вещает, Гильгамешу:
«Гильгамеш, ты ходил, уставал и трудился, —
Что ж мне дать тебе, в свою страну да вернешься?
Я открою, Гильгамеш, сокровенное слово,
И тайну цветка тебе расскажу я:
Этот цветок — как терн на дне моря,
Шипы его, как у розы, твою руку уколут.
Если этот цветок твоя рука достанет, —
Будешь всегда ты молод».
Когда Гильгамеш услышал это,
Открыл он крышку колодца,
Привязал к ногам тяжелые камни,
Утянули они его в глубь Океана.
Он схватил цветок, уколов свою руку;
От ног отрезал тяжелые камни,
Вынесло море его на берег.
Гильгамеш ему вещает, корабельщику Уршанаби:
«Уршанаби, цветок тот — цветок знаменитый,

Ибо им человек достигает жизни.
Принесу его я в Урук огражденный,
Накормлю народ мой, цветок испытаю:
Если старый от него человек молодеет,
Я поем от него — возвратится моя юность».

Через двадцать поприщ отломили ломтик,
Через тридцать поприщ на привал остановились.
Увидал Гильгамеш водоем, чьи холодны воды,
Спустился в него, окунулся в воду.
Змея цветочный учуяла запах,
Из норы поднялась, цветок утащила,
Назад возвращаясь, сбросила кожу.
Между тем Гильгамеш сидит и плачет,
По щекам его побежали слезы;
Обращается к кормчему Уршанабиз
«Для кого же, Уршанаби, трудились руки?
Для кого же кровью истекает сердце?
Себе самому не принес я блага,
Доставил благо льву земляному!
За двадцать поприщ теперь уж качает цветок пучина,
Открывая колодец, потерял я орудья, —
Нечто нашел я, что мне знаменьем стало: да отступлю я!
И на берегу я ладью оставил!»

Через двадцать поприщ отломили ломтик,
Через тридцать поприщ на привал остановились,
И прибыли они в Урук огражденный.
Гильгамеш ему вещает, корабельщику Уршанаби:
«Поднимись, Уршанаби, пройди по стенам Урука,
Обозри основанье, кирпичи ощупай —
Его кирпичи не обожжены ли
И заложены стены не семью ль мудрецами?»

ЭнКи и мировой порядок

Первые строки рассказа повреждены

Когда отец ЭнКи выходит на засеянную пашню,
Плодородное семя в ней произрастает,
Когда Нудиммуд идет к моей плодоносной овце,
Приносит овца молодого ягненка.

Когда он выходит к тяжелой корове,
Приносит она здорового теленка.

Когда он выходит к тяжелой козе,
Приносит коза здорового козленка,
Когда ты выйдешь в поле, возделанное поле,
Поставь снопы и стога на высокой равнине,

.....выжженной земли.

ЭнКи, владыка Абзу, всех превзошедший властью своею,
Начал так свою речь величаво:

«Отец мой, владыка вселенной,

Дал мне жизнь во вселенной

Мой предок, всем землям владыка,

Собрал воедино все ме и вложил их мне в руку.

От Экура, дома ЭнЛиля,

Я принес ремесла в Абзу Эриду.

Я плодоносное семя великого дикого тура,

Я первенец Ана,

Я «великая буря», исходящая из «бездны великой»,

Я повелитель земли,

Я лугаль всех вождей, я отец всех земель,

Я «большой брат» богов, тот, кто приносит полный достаток.

Я хранитель анналов небес и земли,

Я слух и разум всех земель,

Я тот, кто вершит справедливость

С повелителем Аном на Ана престоле,

Я тот, кто судьбу оглашает с ЭнЛилем на «горе мудрости»,

Он вложил мне в руку оглашение судеб

Пределов, где солнце всходит,

Я тот, перед кем склоняется НинТу,

Я тот, кому славное имя дано самой НинХурсаг,

Я вождь аннунаков,

Я тот, кто рожден был как первенец Ана святого.

После того, как владыка превознес самого себя,

После того, как принц самого себя восхвалил,

Предстали пред ним аннунаки с молитвою и мольбою:

«О Бог, управитель ремесел,
Вершитель решений славнейший. ЭнКи хвала!
И во второй раз, исполнившись радостью,
ЭнКи, владыка высокий Абзу,
Повел свою речь величаво:
«Я Бог, я тот, чей приказ неприложен, первейший во всем,
По моему приказу построены эти конюшни,
Поставлены эти овчарни,
Когда я приблизился к небу, богатства дарующий дождь
Пролился с небес,
Когда я приблизился к землям, случился высокий разлив,
Когда подошел я к зеленым лугам,
Встали стога, послушные моему слову.
Я дом свой возвел, святилище в месте чистом,
Нарек его именем славным,
Абзу свой возвел, святилище, ...я огласил ему добрый удел
Мой дом — его тень по змеиным болотам простерлась.
Мой дом, его... бороды носят среди медвяных растений,
Сазан ему плещет хвостом в низких зарослях гизи-травы,
Воробьи чирикают в своих.....

пропущено

Сакральные песни и речи наполнили мой Абзу.
Ладья моя магур, корона, «козерог Абзу» —
Посреди нее радость большая.
Страна высоких болот, любимое место мое,
Простирает руки ко мне, клонит шею ко мне.
Кара дружно возносят весла,
Сладкие песни поют, тем самым радуя реку,
Нимгирсиг, энси лодки моей магур,
Держит мой скипетр золотой,
Я, ЭнКи.....

пропущено

...я взирал бы на его зеленые кедры.
Земли Маган и Дильмун
Взглянули на меня, на ЭнКи,
Подчалили Дильмун-ладью к суше,
Нагрузили Маган-ладью до небес,
Магилум-ладья Мелуххи
Везет золото и серебро,
Везет их в Ниппур для ЭнЛиля, повелителя всех земель.
Тому, у кого нет города, тому, у кого нет коня,

Марту — ЭнКи приносит в дар скот,
Великому принцу, пришедшему в землю свою,
Поклонятся аннунаки как должно,
«Богу, что правит великими ме, чистыми ме,
что господствует во вселенной широкой,
что получил высокий «солнечный диск» в Эриду,
чистом мете, драгоценнейшем месте,
ЭнКи, Богу вселенной, хвала!»
Ибо великому принцу, пришедшему в землю свою,
Все боги, все предводители,
Все маги-жрецы Эриду,
Все «носящие полотно» в Шумере,
Выполняют магические ритуалы Абзу,
К отцу ЭнКи, в священное место его свои направляют стопы,
В опочивальне в царственном доме, они...
В залах они выкликают имя его.....
пропущено
Нимгирсиг, энси ладьи магур,
Держал скипетр бога священный,
Морские лахамы, числом пятьдесят, почтили его,
.....
Ибо царь, гордо стоящий, отец энки той Страны,
Принц великий, вернувшийся в царство свое,
Процветание дарует вселенной.
ЭнКи оглашает судьбу:
«Шумер" Великая гора», «Прбежище вселенной»,
наполнил стойким светом, от восхода до заката рассыпающим
ме народу Шумера,
твои ме — высокие ме, недостижимые.
Твое сердце глубоко, непостижимо,
Стойкий... твоё место, где боги рождают,
Неприкосновенно как небеса,
Рожденный быть царем, диадемой владеющий прочной,
Рожденный повелевать, на чело возложивший корону,
Твой бог — почитаемый бог,
Он сидит с повелителем Аном на Ана престоле,
Твой царь — «Великая гора», Отец ЭнЛиль,
.....как кедр, отец всех земель.
Аннунаки, великие боги,
Пожелали жить среди вас,
Пищу вкушать на вашей гигуне, засаженной деревьями.

Дом, Шумер, да будут построены многие стойла твои,
Да множатся твои коровы,
Да встанут овчарни, да будут овец мириады,
Да будут гигуны касаться небес,
Да возденут стойкие... руки свои к небесам.
Да огласят ануннаки судьбу, среди вас пребывая.
Он прошествовал в святилище Ур,
ЭнКи, владыка Абзу, оглашает судьбу:
«Город, имеющий все, что уместно иметь,
омываемый водами, твердо стоящий бык,
обильный престол нагорья, колени открыты,
Зелен, точно гора,
Где роци хашур бросают широкую тень,
Тот, чье величье в силе его,
Назначил тебе совершенные ме,
ЭнЛиль, «Высокая гора».
Произнес во вселенной высокое имя.
Город, чью участь ЭнЛиль огласил,
Святилище Ур, да вознесешься ты до небес».
Он прошествовал в землю Мелухха,
ЭнКи, повелитель Абзу, (оглашает ее) судьбу,
«Черная земля, да будут деревья твои велики,
(да будут они) деревьями (нагорья),
Да встанут их троны в царском дворце,
Да будет тростник твой велик,.....
Да (владеют) герои оружием на месте сраженья,
Да будут быки твои большими быками,
Да будут быками нагорья,
Да будет их рев ревом диких быков нагорья,
Да совершенствуют боги великие ме для тебя,
Да носят все дар-птицы нагорья сердоликовые бородки,
Да будет птицей твоей Хайа-птица,
Да станет серебро твое золотом,
Медь — бронзой и оловом,
О Земля, да преумножится все, что ты имеешь,
Да множатся люди твои,
.....
Он омыл и очистил страну Дильмун.
Поручил НинСикилле опеку над ним,
Он дал....как возделанное поле, он вкушает его финики
..... Элам и Махараша.....

Обречены быть сожранными, как... рыба,
Царь, кого силой ЭнЛиль одарил,
Разрушил дома их, разрушил их стены,
Их металл и ляпис-лазурь (и содержимое) их хранилищ,
В Ниппур он доставил ЭнЛиллю, повелителю всех земель,
Тому, что не строит город, не строит дом,
Марту — ЭнКи принес в дар скот.
Когда отвел он взор от того места.
Когда отец ЭнКи поднял его над Евфратом,
Встал он гордо, как необузданный бык,
Он поднимает пенис, он извергает семя,
Наполнился Тигр искристой водой.
Как дикая корова. По тельцу мычащая в лугах,
В кишасщем скорпионами стойле,
Так Тигр отдается ему, как неистовому быку.
Он поднял пенис, принес свадебный дар,
Дал Тигру радость, как большой дикий бык, что дал рождение,
Вода, что принес он, искристая вода, вино ее сладко,
Зерно, что принес он, отборное зерно, едят его люди,
Он наполнил Экур, дом ЭнЛиля, добром,
Вместе с ЭнКи ЭнЛиль ликует, Ниппур (в восторге).
Бог, венчанный диадемой на царство,
Возложил долговечную тиару царства,
Он ступил на земли левою сторону,
Процвела земля для него.
Как принял он скипетр в правую руку,
Чтобы тигр и Евфрат «ели вместе»,
Он, что речет... слово, согласно его...,
Что убирает, как жир из дворца свое «царственное колено»,
Бог, что оглашает судьбу, ЭнКи, владыка Абзу,
ЭнБилулу, каналов смотрителя,
ЭнКи поставил над ними главным.
Он выкликает болота, поместив туда карпа и ... — рыбу,
Он выкликает заросли, поместив туда ... — тростник и зеленый
тростник,
Две строки отсутствуют
Он бросает вызов.
Того, из чьих сетей не уходит рыба,
Из чьих капканов не уходит...,
Из чьих силков не уходит птица,
.....сына...

..., (бога), что любит рыбу,
ЭнКи поставил над ними главным.
Бог воздвиг святилище, священную сень — сердце его глубоко,
Воздвиг святилище в море, священную сень — сердце его
глубоко,
Святилище, центр его — ..., от всех сокрытый,
Святилище, место его в созвездии...
Высокая сень, наверху —
Место его возле созвездия «колесницы»,
...от трепещущего... его мелама...,
Ануннаки пришли с молитвою и мольбою,
Для ЭнКи в ЭнГурре они поставили трон высокий.
Для повелителя...
Великого принца ..., рожденного...
Пропущено несколько строк
Ее, великую бездну глубин,
Что.. птицу изи и рыбу лиль, что...
Что вышла из зипага, что...
Госпожу Сирары, мать Нанше,
Над морями, его... местами,
ЭнКи поставил главной.
Вызывает он два дождя, воду небес,
Их выравнивает, как плывущие облака,
Вселяет в них (жизни) дыхание до горизонта,
Обращает холмистые земли в поля.
Того, что великими бурями правит, молнией поражает,
Что замыкает священной крепой «сердце» небес,
Сына Ана, гугаля вселенной,
Ишкура, сына Ана,
Ставит ЭнКи над ними главным.
Он направил плуг и... ярмо,
Великий принц ЭнКи поставил рогатых быков...
Отворил священные борозды,
Заставил расти зерно на возделанном поле.
Бога, что носит корону, красу высокой равнины,
Коренастого пахаря бога ЭнЛиля,
ЭнКимду, человека рвов и платин,
ЭнКи ставит над ними главным.
Бог выкликает пашню, засекает отборным зерном,
Собирает зерно, отборное зерно, зерно иннуба в кучи,
Умножает ЭнКи снопы и кучи,

Вместе с ЭнЛилем дает он земле изобилие,
Ту, чья голова и бок пестры, чей лик покрыт медом,
Госпожу, праматерь, силу земли, «жизнь» черноголовых,
Ашнан, питающий хлеб, хлеб всего,
ЭнКи поставил над ними главной.
Великий царь накиннул сеть на кирку, он устроил изложницу,
Сдобрил агарин, как хорошее масло,
Того, чьей кирки сокрушительный зуб — это змей, пожирающий
трупы

.....

Чья... изложница правит...

Куллу, кирпичника той земли,

ЭнКи ставит над ними главным.

Он построил конюшни, указал очищения обряды,

Овчарни возвел, наполнил их лучшим жиром и молоком,

Радость принес в трапизные богов,

На поросшей равнине возобладало довольство.

Верного поставщика Эанны, друга Ана,

Любимого зятя отважного Сина, супруга святой Инанны,

Госпожи, царицы всех великих ме,

Что время от времени руководит воссозданием... Куллаба,

Думузи, божественного «ушумгаля небес», «друга Ана»,

ЭнКи ставит над ними главным.

Он наполнил Экур, дом ЭнЛиля, добром,

С ЭнКи ликует ЭнЛиль, ликует Ниппур,

Он отметил границы, утвердил пограничные камни,

Для ануннакав ЭнКи

Построил жилье в городах,

Построил жилье в деревнях.

Героя, быка, что выходит из (леса) хашур, что рычит точно лев,

Отважного Уту, быка, что неуязвим, что гордо являет силу,

Отца великого города, места, где солнце восходит,

Великого герольда священного Ана,

Судью, что выносит решение богов,

Что носит бороду цвета ляпис-лазури,

Что нисходит со священных небес,... небес,

Уту, сына, (НинГаль) рожденного,

ЭнКи ставит главным над всей вселенной.

Он спрятал пряжу маг, дал теменос,

ЭнКи придал совершенство тому, что женским является

ремеслом,

Для ЭнКи, для людей... — облаченье.
Тиару дворца, самоцвет повелителя,
Утту, достойную женщину, радостью полную,
ЭнКи поставил над ними главной.
Тогда сама по себе, царский отбросив скипитр,
Женщина, ... дева Инанна, царски отбросив скипитр,
Инанна, к отцу своему ЭнКи
Входит в дом и, (униженно) плача, жалобу произносит:
«Ануннаки, великие боги, их судьбы
Отдал ЭнЛиль уверенно в руки твои,
С девою, мною, почему ж обошелся иначе?
Я, святая Инанна, — где же мое старшинство?
Аруру, сестра ЭнЛиля,
НинТу, владычица гор,
Приняла на себя священную... править,
Забрала себе ... (и) лук,
Забрала себе с инкрустацией сила-кубок из ляпис-лазури,
Унесла с собой чистый, священный ала-кубок,
Повитухою стала земли,
Ты ей вверил рожденного быть царем, владыкой рожденного
быть.
Сестрица моя, святая НинИсинна,
Взяла себе светлый уну, стала жрицей Ана,
Рядом с Аном себя поместила, произносит слово,
Что небеса наполняет;
Сестра моя, святая НинМуг,
Забрала золотой резец и серебряный молоток,
Стала старше в ремесле по металлу,
(Рожденного) быть царем, что носит прочную диадему,
Рожденного повелевать, корону венченного, отдал ты (в руки
ее).
Сестра моя, святая Нидаба,
Взяла себе мерную жердь,
Укрепила ляпис-лазурную ленту у себя на предплечье,
Оглашает великие ме
Отмечает межи, устанавливает границы, — стала писарем в этих
землях,
Ты в руки ей отдал пищу богов.
Нанше, владычица, владыка — праведный... пал к ее ногам
Стала ведат рыбой в морях,
Рыбу вкусную...

Поставляет она своему отцу ЭнЛилию.
Со мной, почему обошлся иначе?
Я, святая Инанна, в чем же мое старшинство?»
отсутствует примерно три строки
...его...

ЭнЛиль...

Украшил для тебя...

Ты теперь одета в одежды «сила юношы»

Ты утвердила слова, что произносит «юноша»,

Ты отвечаешь за посох, палку и кнут овчара,

Дева Инанна, что, что еще дать нам тебе?

Битвы, набеги — ты оракулам вложишь на них ответ,

Ты среди них, не будучи птицей арабу, дашь недлагоприятный
ответ,

Ты свиваешь прямую нить,

Дева Инанна, распрямляешь крученую нить,

Ты придумала форму одежд, ты нарядные носишь одежды,

Ты спрятала пряжу маг, нить продела в веретено,

В... ты окрасила многоцветную... нить.

Инанна, ты...

Инанна, ты разрушила нерушимое, уничтожила
неуничтожимое,

Ты заставила смолкнуть ... «тамбуринами плача»,

Дева Инанна, ты вернула гимны тиги и адаб в их дом.

Ты, чьи почетатели не устают любоваться тобой,

Дева Инанна, ты, что дальние знаешь колодцы, веревки
крепежные;

Взгляните! Пришло половодье, земля ожила,

Пришло половодье ЭнЛилия, земля ожила.

Последние строки также разрушены

ЭнКи и НинМах

От начала начал, от дней сотворения мира,
От начала начал, от ночей сотворения мира,
От начала начал, от годов сотворения мира.
Когда установили Судьбы,
Когда Ануннаки-боги родились.
Когда богини в брак вступили,
Когда богинь в земле и небе распределили,
Когда богини, сойдясь с богами,
затяжелели, дали рождение,
Тогда боги из-за пищи, пропитания ради, трудиться стали.
Старшие боги верховодить стали,
Младшие боги корзины на плечи взвалили.
Боги реки, каналы рыли, под надзором насыпали землю.
Боги страдали тяжело, на жизнь свою роптали.
А Он в то время, Разум Творитель,
великих богов он всех созидатель,
ЭнКи во глуби тихоструйной Энгуры, в чьи недра
никто из богов заглянуть не смеет,
Он возлежал на своем ложе, он спал, не подымался.
В голос боги заголосили, с горькими воплями зарыдали.
Тому, кто лежит, тому, кто спит, тому,
кто с ложа не подымается,
Намму-праматерь, прародительница, всех великих богов
она созидательница,
Она плачи всех богов принесла своему сыну.
«Ты лежишь, ты спишь, со своего ложа ты не встаешь,
А боги, твои творенья, слезно о смягчении доли молят.
Встань же, сын мой, со своего ложа, поднимись, покажи
свою искусность и мудрость!
Создай нечто, что богов заменит,
пусть оставят свои корзины!»
По слову матери своей Намму ЭнКи поднялся с ложа.
Бог козленка светлого жертвенного
в созерцании глубококом взял в руки.
Он, Великий Премудрый Разум, он, вещий заклинатель,
Он задумал то, что из женского выйдет лона.
ЭнКи все силы свои собрал,
разум свой всемерно расширил.
ЭнКи образ себе подобный в сердце своем
разуменьем создал.

Своей матери Намму так он молвит:
«Мать моя! Создание, что сотворишь ты,
оно воистину существует.
Бремя богов, их корзины, на него да возложим.
Когда ты замешаешь глины из самой сердцевины Абзу,
Подобно женскому лону, затяжелеет глина.
Ты сотворишь это созданье.
Нинмах помощницей твоею да станет.
Богини Нинимма, Шузианна, Нинмада, Нинбара,
Нинмуг, Шаршаргаба, Нингуна,
Вкруг тебя они да встанут,
когда ты будешь давать рожденье.
Мать моя, когда судьбу ему ты назначишь
Нинмах корзины на него да возложит.
Род человеческий да будет создан».
Человечество... из своего лона (?)...
Созданье твое... в твоём водоеме...
...подняла к свету... род человеческий...
...семя... рожденного омыла (?) ... очищенье (?)
ЭнКи приумноженьем трудов... возрадовался сердцем.
Для матери Намму, для Нинмах он устроил пированье.
Для Ана и ЭнЛиля владыка Нудиммуд
зажарил чистого козленка.
Все боги толпою его восхваляли:
«О владыка, Обширный Разум, кто мудростью тебе равен?
Государь великий ЭнКи,
кто повторить твои деянья сможет?
Словно отец родимый, ты присуждаешь Сути, ты сам —
великие эти Сути».
ЭнКи и Нинмах выпили пива, божья утроба возликовала.
Нинмах так ЭнКи молвит:
«Человеческое созданье — хорошо ли оно,
дурно ли оно —
Как мне сердце подскажет, такую судьбу ему присужу —
или добрую, или злую».
ЭнКи Нинмах так отвечает:
«Судьбу, что ты присудить пожелала, —
благую ли, злую ли — я назначу!»
Тут Нинмах отщипнула рукой от глины Абзу.
И первый, руки его слабы — дабы что-то взять,
он согнуть их не может, —

вот кого она сотворила.

ЭнКи взглянул на того, чьи руки слабы —

дабы что-то взять,

он согнуть их не может,

Определил ему судьбу — царским стражем его назначил.

А второй — он плохо видел свет, щурил очи —

вот кого она сотворила.

ЭнКи, на него взглянув, на того, кто щурил очи,

Определил ему судьбу, искусством пения его наделил он.

Ушумгаль, владыка великий, перед царем его поставил.

Третий — нога его, словно червяк, кривая и слабая —

вот кого она сотворила.

ЭнКи, взглянув на того, чья нога,

словно червяк, кривая и слабая,

Определил ему судьбу —

серебряных дел мастером сделал.

Четвертый — он не мог выпускать свое семя —

вот кого она сотворила,

ЭнКи, на него взглянув, на того,

кто не может выпустить семя,

Он окропил его водой, он произнес над ним заклинанье,

он дал жить его телу.

Пятая женщиною была, той, кто родить не может, —

вот кого она сотворила.

ЭнКи, на женщину взглянув, на ту, кто родить не может,

Определил ее судьбу — в женский дом

ткачихою ее устроил.

Шестое — оно не имело мужского корня,

оно не имело женского лона,

вот кого она сотворила.

ЭнКи, взглянув на существо,

что не имело мужского корня,

что не имело женского лона,

В Кигале, что по имени ЭнЛилем назван,

Слугою дворцовым его сделал, такую судьбу ему назначил.

Нинмах глину, что отщипнула, на землю бросила,

повернулась резко.

Господин великий ЭнКи так молчит Нинмах:

«Тем, кого ты сотворила, я определил судьбы,

Я придумал им пропитанье — я дал им вкусить хлеба.

Ныне же я пред тобой сотворю,

а ты назначишь им судьбы».

ЭнКи начал лепить форму — внутри и снаружи — голову, руки, части тела.

Нинмах так он молвит:

«Корень вздымая, да испустит семя в женское лоно,
эта женщина получит зачатие в лоно.

Нинмах, рождению, что я сотворил,
Этой женщине, когда...»

А второй, Умуль, — «мой день далек» — голова его была
Слаба, глаза его были слабы, шея его была слаба,
Жизнь дрожала, трепетала.

Легкие слабые, сердце слабое, кишки его были слабы.

Руки, голова трясутся, поднести ко рту хлеба он не может,
его спина была слаба;

Его плечи дрожат, его ноги дрожат, по ровному месту
ходить он не может, —
вот кого он сотворил!

ЭнКи Нинмах так молвит:

«Тем, кого ты создавала, я определил судьбы,
я придумал для них пропитанье.

Теперь ты тому, кого сотворил я, определи ему судьбу,
Придумай для него пропитанье».

Нинмах, посмотрев на Умуля, к нему обратилась.

Она к Умулю подошла, она вопрос ему задала,
а он и говорить не умеет.

Хлеба поесть ему дает, а он руку за ним
протянуть не может.

На кровати он не лежал спокойно, он совсем
не хотел спать,

Сесть не умел, встать не умел, он лежать
совсем не хотел.

В дом войти он не может, он пропитать себя не может.

Нинмах ЭнКи говорит снова:

«Человек, кого ты создал, он ни жив, он ни мертв,
он ноши нести не может».

Нинмах ЭнКи отвечает:

«Тому, чьи руки были слабы, я судьбу определил,
я придумал ему пропитанье.

Тому, кто плохо видел свет, чьи очи щурились,
я судьбу определил,

я придумал ему пропитанье.

Тому, чья нога была, словно червяк, я судьбу определил,
я придумал ему пропитанье.

Тому, кто задерживал семя, я определил судьбу,
я придумал ему пропитанье.

Женщине, что не могла рождать, я определил судьбу,
я придумал ей пропитанье.

Тот, кто корня мужского не имел,
я определил судьбу,

я придумал ему пропитанье.

Сестрица...»

Строки 110—111 разрушены

Нинмах так молвит ЭнКи

строки 113—122 разрушены

«О, горе! В небесах ты не жил, на земле ты не жил!

О, глаза твои проклятые! Из Шумера ты не уйдешь!

Там, где ты сидеть не будешь, — о дом мой построенный!

О, слова твои бессмысленные!

Там, где ты жить не будешь, — о, град мой построенный!

О, сама я, ложью разбитая!

Град мой разрушен, дом мой погублен,

дитя мое в плен попало!

Я сна лишилась, я ушла из Экура,

Я от руки твоей не ушла!»

ЭнКи Нинмах так отвечает:

«Слова, что из уст твоих вышли, кто отменит?

Умуль... из лона твоего да будет исторгнут!

Нинмах, труды свои прерви, негожи они, против меня
кто выступить может?

Творенье по образу моему, что вслед за тобою я создал,

Словом склонено да будет!

А когда мой корень повсюду достойно прославят,

Да будет на то твое согласие мудрое!

ЭнКум и НинКум, дворцовые стражи,

...да возгласят твое величье!

Сестрица, в тебе могучая сила...»

...Умуль мой дом да построит!

Строки 138—139 разрушены

Нинмах не соперница великому ЭнКи.

О отец ЭнКи, хвала тебе хороша!

ЭнКи и НинХурсаг

«Меж градов пресветлых — ей ее отдайте —
Дильмун есть страна, страна пресветлая.
В Шумере пресветлом — ей ее отдайте —
Дильмун есть страна, страна пресветлая.
Дильмун страна пресветлая,
Дильмун страна непорочная,
Дильмун страна непорочная,
Дильмун страна воссиянная.
А он там сам, в Дильмуне он возлег.
ЭнКи вместе с супругою там возлег,
Та земля непорочная, та земля воссиянная, —
А он там сам, в Дильмуне он возлег,
ЭнКи с Нинсикилою — с «Непорочною» — он возлег, —
Та земля непорочная, та земля воссиянная.
А там, в Дильмуне ворон не каркает.
Птица смерти не накликает смерти.
Там лев не бьет.
Волк ягненка не рвет.
Там собака сторожевая, как козлят стерегут, не знает.
Там свинья зерна не пожирает.
Вдова на крыше солод не рассыпает.
Птица небесная солод тот не склевывает.
Там голубь головою не вертит.
Там хворь глазная — «я хворь глазная» — не говорит.
Там хворь головная — «я хворь головная» — не говорит.
Там старица не говорит — «я старица».
Там старец не говорит — «я старец».
Там девушка не умывается, водой из окна не плещется.
Там перевозчик — «навались!» — не кричит.
Там страж вокруг зубцов не кружит.
Там певец песнопений не распевает,
Плачей за городом не заводит.
Ниисикила Эаки, отцу своему, так молвит
«Вот дал ты мне город, дал ты мне город,
А что мне в твоём дарении?
Вот дал ты мне Дильмун-город, дал ты мне город,
А что мне в твоём дарении?
О отец мой, ты дал мне город, дал ты мне город,
А что мне в твоём дарении?
В моем городе нету воды в каналах!

Вот дал ты мне город, вот дал ты мне город,
А что мне в твоём дарении?
В моем городе нету воды в каналах!
Его колодцы с водою горькой
Не дают расти зернам-злакам
На полях, в бороздах, на нивах!
Город мой не «Дом прибрежный, пристань всей страны!»
Да станет Дильмун «Домом прибрежным,
пристанью всей страны»!»!
Отец ЭнКи Нинсикилс так отвечает:
«Отныне и вовеки под солнцем,
Когда солнце-Уту в небесах восстанет,
От... перед Эзенем — «местом празднеств»,
От «дома рыбы рогатой» месяца-Нанны,
Устами воды прибрежной, бегущей воды,
злаки из земли для тебя подымутся,
По путям твоим просторным вода да выбежит.
Город твой водой изобилия тебя напоит.
Дильмун водой изобилия тебя напоит.
Твои колодцы с водою горькой да станут
колодцами с водою сладкой!
Город твой «Домом прибрежным,
пристанью всей страны» да станет!
Дильмун «Домом прибрежным,
пристанью всей страны» да станет!
Страна Тукриш золото Харали,
Светлый лазурит да переправит.
Страна Мелухха сердолик желанный, драгоценный,
Дерево Магана морское, ценнейшее
На кораблях пусть тебе доставит!
Страна Марахши горный хрусталь драгоценный светлый
Да переправит!
Страна Маган крепкую медь,
Диорит, сосуды из камня доставит!
Страна заморская дерево эбен роскошное,
Царское да переправит!
«Страна шатров» лучшую шерсть, порошок рудный
Пусть тебе доставит!
Страна Элам свой груз — шерсть тончайшую
Да переправит!
Храм Ура, град священный, святыня царства,

Зерно, масло, наилучшие ткани на больших судах
Пусть тебе доставит!
Просторное море изобилие это пусть тебе переправит!
О город! Его жилища прекрасными жилищами будут!
О Дильмун! Его жилища прекрасными жилищами станут!
Зерно его чистое-чистое,
Его финики — крупные-крупные,
Свой урожай соберет он трижды!
Деревья его — великаны-деревья!
Отныне и вовеки под солнцем!»
И вот солнце-Уту в небесах встало.
От... перед Эзеном — «местом празднеств»,
От «дома рыбы рогатой» месяца Нанны,
Устами воды прибрежной, бегущей воды, злаки из земли
Для нее поднялись, вышли,
По путям просторным вода побежала,
Город водой изобилья ее поит,
Дильмун водой изобилья ее поит,
Колодцы ее с водою горькою стали колодцами
С водою сладкою.
Вода в полях, вода на нивах, в борозде рост дает
Зерну-злакам.
Стал ее город «Домом прибрежным,
пристанью всей страны»!
Стал Дильмун «Домом прибрежным,
пристанью всей страны»!
Так от дней от тех под солнцем, отныне и вовеки
Воистину так да будет!
А сам он. Разум Премудрый, перед Нинту,
Что страны мать,
Он, ЭнКи, Разум Премудрый, перед Нинту,
Что страны мать, —
Его корень рвы наполнил семенем,
Его корень тростники окунул в семя,
Его корень дал жизнь покрову могучему.
Он вскричал: «По болотам никто да не ходит!»
ЭнКи вскричал: «По болотам никто да не ходит!»
Жизнью небес он поклялся.
Ту, что возлежит в болотах, ту,
что возлежит в болотах, ее,
Дамгальнуну — «Супругу великую» свою,

он ее оросил своим семенем,
Нинхурсаг в утробу он излил семя.
Нинхурсаг в утробу приняла семя, семя ЭнКи.
И один ее день — словно месяц.
Два ее дня — словно два месяца.
Три ее дня — словно три месяца.
Четыре дня — что четыре месяца.
Пять ее дней — это пять месяцев.
Шесть ее дней — это шесть месяцев.
Семь ее дней — это семь месяцев.
Восемь дней — это восемь месяцев.
Девять дней — это девять месяцев,
Девять месяцев материнства.
Словно по маслу, словно по маслу,
По прекрасному нежнейшему маслу
Нинту, мать страны,
Породила Нинсар.
На берегах реки взрастала Нинсар.
А ЭнКи — он затаился в болотах, он в болотах затаился.
Советчику своему Исимуду так он молвит:
«Отроковицу милую я ли не поцелую.
Нинсар милую я ли не поцелую?»
Советчик его Исимуд так ему отвечает:
«Отроковицу милую, поцелуй ее!
Нинсар милую, поцелуй ее!
Господин поплывет, я буду править,
Он поплывет, я буду править!»
Он поставил ногу в лодку,
А другой уж коснулся земли твердой.
Он к груди прижал ее, он поцеловал ее.
ЭнКи излил семя в ее утробу.
Она приняла его семя, семя ЭнКи.
И один ее день — словно месяц,
И второй ее день — словно два месяца.
Девять дней ее — девять месяцев,
Девять месяцев материнства.
Словно по маслу, словно по маслу,
по прекрасному нежнейшему маслу,
Нинсар, словно по маслу, словно по маслу,
По нежнейшему прекрасному маслу,
Родила Нинкур.

На берегах реки взрастала Нинкур.
А ЭнКи — он затаился в болотах, он в
болотах затаился.
Советчику своему Исимуду так он молвит:
«Отроковицу милую я ли не поцелую?
Нинкур милую я ли не поцелую?»
Советчик его Исимуд так ему отвечает:
«Отроковицу милую, воистину поцелуй ее,
Нинкур милую, воистину поцелуй ее!
Господин поплывет, я буду править,
он поплывет, я буду править!»
Он поставил ногу в лодку,
А другой уж коснулся земли твердой.
Он к груди прижал ее, он поцеловал ее.
ЭнКи излил семя в ее утробу.
Она приняла в утробу семя, семя ЭнКи.
И один ее день — словно месяц.
Девять дней ее — что девять месяцев,
Девять месяцев материнства.
Словно по маслу, словно по маслу,
По прекрасному нежнейшему маслу,
Нинкур, словно по маслу,
по прекрасному нежнейшему маслу.
Утту, крепышку-толстушку, породила.
Нинту речи обращает к Утту:
«Совет тебе дам, прими совет мой,
Слово скажу, слова мои выслушай!
Некто — он затаился в болотах, он в болотах затаился,
ЭнКи — он затаился в болотах, он в болотах затаился»,
Разрушено около 15 строк.
«Принеси огурцов спелых,
Принеси абрикосов в связках,
Принеси виноград в гроздьях.
Пусть он в доме узду мою схватит,
Путь ЭнКи узду мою воистину схватит!»
И дважды водою их наполнив,
Он водою канавы наполнил,
Он рвы водою наполнил,
Земли нетронутые водою наполнил.
Садовник тут, полный радости,
На шею к нему кинулся, с ним обнимается.

«Кто же ты, кто сад мой полил?»

ЭнКи садовнику отвечает:

Строка 161 разрушена.

«Принеси огурцов спелых,

Принеси абрикосов в связках,

Принеси виноград в гроздьях».

Он принес огурцов спелых,

Он принес абрикосов в связках,

Он принес виноград в гроздьях, он подол ему наполнил.

ЭнКи глаза себе зеленым подвел, посох взял,

ЭнКи шаги свои к Утту направил.

В дом ее он постучал: «Открой двери!»

«Кто это, кто это здесь?»

«Я садовник, огурцы, абрикосы, виноград я принес тебе!»

Утту радости полна, дверь ему она открывает.

ЭнКи Утту, крепышке-толстушке,

Огурцы спелые ей дает он,

Дает абрикосы в связках,

Дает виноград в гроздьях.

Дает ей пиво в больших сосудах.

Утту, крепышка-толстушка, руками всплеснула,

Руками от радости всплеснула

ЭнКи опьянел от радости, Утту увидев.

Он груди ее взял, он на лоно ее возлег.

Он бедер ее коснулся, он их рукой коснулся.

Он за грудь ее схватил, он на лоно ее возлег.

Он в девочку корень вложил, он ее поцеловал.

ЭнКи в Утту, в ее утробу излил семя.

Семя в утробу она приняла, семя ЭнКи это!

Утту, прекрасная женщина, — «О бедра мои, о тело мое,

О утроба моя!» — кричит!

Нинхурсаг семя с бедер ее вытерла.

«Трава лесная» выросла.

«Трава медовая» выросла.

«Трава садовая» выросла.

«Трава семенная» выросла.

«Трава колючая» выросла.

«Трава густая» выросла.

«Трава высокая» выросла.

«Трава целебная» выросла.

А ЭнКи затаился в болотах, он в болотах затаился.

Советчику своему Исимуду так он молвит:

«Травы, судьбу им я не решу ли?

Что это, что это?»

Советчик его Исимуд так ему отвечает:

«Господин мой, это „трава лесная“» — так он молвит.

Он ее ему срезает, тот ее съедает.

«Господин мой, это „трава медовая“» — так он молвит.

Он ее ему срезает, тот ее съедает.

«Господин мой, это „трава садовая“» — так он молвит.

Он ее ему срезает, тот ее съедает.

«Господин мой, это „трава семенная“» — так он молвит.

Он ее ему срезает, тот ее съедает.

«Господин мой, это „трава колючая“» — так он молвит.

Он ее ему срезает, тот ее съедает.

«Господин мой, это „трава густая“» — так он молвит.

Он ее ему срезает, тот ее съедает.

«Господин мой, это „трава высокая“» — так он молвит.

Он ее ему срезает, тот ее съедает.

ЭнКи решил судьбу растений, он познал их сердце.

Нинхурсаг прокляла имя ЭнКи.

«Не взгляну на него взглядом жизни

До самой смерти его!»

Ануннаки во прах уселись.

Лиса одна была там, так ЭнЛилию она молвит:

«Если я верну тебе Нинхурсаг,

что дашь ты мне в награду?»

ЭнЛиль лисе так отвечает:

«Если ты мне вернешь Нинхурсаг,

В моем граде тебе посажу дерево,

Имя твое да будет прославлено!»

И вот лиса почистила шкурку,

Хвост, волоски свои распушила,

Румяна на лицо наложила.

Строки 229—232 разрушены.

«Я пошла к ЭнЛилию, но ЭнЛиль не помог мне.

Я пошла к Нанне, но Нанна не помог мне.

Я пошла к Уту, но Уту не помог мне.

Я пошла к Инанне, но Инанна не помогла мне».

Строки 237—244 разрушены.

Нинхурсаг кинулась...

Ануннаки схватили свои одеянья.

...они сделали.

...судьбу решили.

Нинхурсаг ЭнКи на матку свою посадила.

«Брат мой, что у тебя болит?»

«Макушка моя болит».

«Абау — отец растений будет рожден для тебя».

«Брат мой, что у тебя болит?»

«Корни волос моих болят».

«Нинсикила — владыка волос будет рожден для тебя».

«Брат мой, что у тебя болит?»

«Нос у меня болит».

«Нинкируту — госпожа, что рождает нос будет рождена для тебя».

«Брат мой, что у тебя болит?»

«Рот у меня болит».

«Нинкаси — госпожа, что рот наполняет будет рождена для тебя».

«Брат мой, что у тебя болит?»

«Горло мое болит».

«Нази — та, кто держит горло в порядке будет рождена для тебя».

«Брат мой, что у тебя болит?»

«Рука у меня болит».

«Азимуа — та, кто добрую руку растит будет тебе рождена».

«Брат мой, что у тебя болит?»

«Ребро мое болит».

«Нинти — владычица жизни-ребра будет тебе рождена».

«Брат мой, что у тебя болит?»

«Бока мои болят».

«Эншаг — владыка доброго бока будет тебе рожден».

«Крошкам этим, что я породила, определи ты им судьбы».

«Да станет Абау владыкой растений».

Нинсикила господином Магана да будет!

Нинкируту супругою Ниназу да станет.

Нинкаси ублажающей желанья да станет.

Нази супругою Умундара да будет.

Азимуа супругою Нингишзиды да станет!

Нинти владычицей месяцев станет.

Эншаг господином Дильмуна будет!»

Отец ЭнКи, тебе хвала!

Справочник в алфавитном порядке

Ану

Также Ан. Один из трех верховных богов в шумерском пантеоне. Его имя пишется знаком, обозначающим понятие «Бог». Ан возглавляет список богов из Фары. Покровитель города Урук. Согласно мифам Ан породил ЭнКи и ЭнЛиля. К середине III тыс. до н. э. ЭнЛиль полностью оттесняет культ Ана, что связано с возросшей ролью ЭнЛиля, как верховного бога Ниппура — древнейшего культового центра. Другие дети Ана — Бог бури Ишкур (Адад), Марту, Инанна (Иштар), Баба (Бау), Гатумдуг, Нисаба, боги ануннаки. Жена Ана — Ки (земля). Инанна как владычица богов также выступает в роли жены Ана, однако в пантеоне города Урука она его дочь. Ан обычно изображается пассивным и бездеятельным, но нередко он враждебен людям. Символом Ана является рогатая тиара. Согласно данной поэме, Ану — сын Аншара, один из представителей младшего поколения богов, его порождением является премудрый бог Эа. Во второй половине правления персидской династии Ахеменидов Ану становится верховным богом города Урука.

Ануннаки

В шумеро-аккадской мифологии боги разделялись на две группы: игигов и ануннаков. Суть этого разделения нигде четко не объяснена, в разных мифах одни и те же боги причисляются то к игигам, то к ануннакам. В «Мифе об Атрахасисе» ануннаки занимают господствующее положение, а игиги находятся у них в подчинении. Отцом ануннаков считался бог Ан, в аккадском пантеоне богов — Мардук. Число ануннаков по разным текстам колеблется от 7 до 600, но чаще всего встречается 50 ануннаков.

Аншар

В аккадской мифологии, согласно данной поэме, божество старшего поколения, порожденное Лахму и Лахаму. Вместе с богиней Кишар создал по своему образу и подобию бога Ану. Данных о самостоятельном культе Аншара в Вавилонии нет. В Ассирии в I тыс. до н. э. он был отождествлен с Ашшуром. В ассирийской версии

поэмы «Энума элиш...» главным героем является не вавилонский Мардук, а Аншар — Ашшур.

Апсу

Также Абзу. В шумеро-аккадской мифологии мировой океан подземных пресных вод, вход в который по преданиям находился в шумерском городе Эриду. Владыкой Абзу был бог мудрости ЭнКи и его храм в Эриду носил имя «дом Энгурры», что было синонимом Абзу. В Абзу по преданиям хранились таинственные и сокровенные сущности вещей — ме. В данной аккадо-вавилонской космогонической поэме Апсу выступает как персонификация мирового океана, первопричина жизни и воплощение первозданной стихии. Он является мужем Тиамат.

Аруру

В аккадской мифологии богиня-мать. В данном эпосе о Гильгамеше она создает из глины ЭнКиду. По некоторым вариантам аккадского эпоса участвовала в создании людей, определила их судьбы. Возможно, Аруру имеет очень древнее дошумерское происхождение.

Белет-Цери

Аккадское имя женщины-писца подземного мира, соответствующей шумерской Гештинанне. В аккадской мифологии супруга бога кочевых племён Марту (Амурру).

Вэр

Одна из ипостасей бога грома и дождя Адду.

Гильгамеш

Правитель-лугаль I династии. Урука в Шумере (XXVII — XXVI в. до н. э.). Исторические свидетельства о нем содержатся в «Царском списке» и в двух гораздо более поздних царских надписях о строительстве им городских укреплений Урука и о возведении храма. Гильгамешу удалось отстоять независимость своего государства в борьбе с правителем Киша Агги. Герой шумерского эпоса, до нас дошли пять песен о нем — «Гильгамеш и Агга», предположительно наиболее раннее произведение, «Гильгамеш и страна жизни», «Гильгамеш, ЭнКиду и нижний мир», «Гильгамеш и бык неба» и «Смерть Гильгамеша». Первые три сказания сохранились почти полностью, а два последних в отрывках. На основе этих произведений ок. 2000 г. до н. э. была создана данная поэма на аккадском языке «О все видавшем...». Он отличался мужеством, огромной физической силой, наводил ужас на врагов, был своенравным и независимым человеком. Позже стал считаться судьей в загробном мире, защитником людей от демонов.

Дамкина

Также Дамгальнуна, НинМах. В шумерской мифологии супруга бога ЭнКи, почиталась в Эриду. В вавилонских мифах мать бога Мардука.

Думузи

Также Таммуз. Божество в шумеро-аккадской мифологии, известное еще со времен списка богов Фары. Его имя упоминается и в Ниппурском царском списке среди царей Ура. Думузи является героем многих мифов, которые можно отнести к циклу «Думузи и Инанна» («Думузи и ЭнКимду», «Нисхождение Инанны в нижний мир»), где он выступает в роли супруга богини. Упоминается также в мифах «ЭнКи и мировой порядок». Думузи — умирающий и воскресающий бог, культ которого был очень широко распространен в Месопотамии и связан с сезонностью сельскохозяйственных работ.

Ирнина

Одно из имен богини Иштар.

Иштар

Наиболее почитаемая аккадская богиня плодородия, плотской любви и войны, олицетворение планеты Венера, наиболее близко соответствовала Инанне, но объединила черты многих шумерских богинь. Считалась дочерью Сина. Почиталась во многих городах: Аккад, Арбела, Ниневия, Ашшур, Ур, Урук и др. В Уруке культ Иштар был связан с оргиями, включавшими самоистязания, проявлениями сексуальной свободы, принесением в жертву жрицами кадиштусвоей девственности. Иштар считалась покровительницей проституток и гомосексуалистов. Наиболее распространённые эпитеты — владычица богов, царица царей, яростная львица, Иштар-воительница. Иштар иногда изображалась со стрелами за спиной. Как богиня войны Иштар ярче всего выступает в Ассирии, где она — дочь или жена верховного бога Ашшура. Ее храм в Ниневии назывался Эмишмиш. С конца II тыс. до н. э. ее культ широко распространяется у хурритов, где она идентифицируется с местной богиней Шавушкой.

Ишуллану

В аккадской мифологии садовник Ану, отца богини Иштар. За отказ разделить любовь с богиней был превращен ею в животное — то ли крота, то ли паука.

Ки

Земля.

Кингу

В аккадской мифологии чудовище, созданное, согласно данной поэме, праматерью Тиамат. Возможно принадлежал к первому поколению богов. После убийства Апсу Тиамат сделала Кингу своим мужем и вручила ему таблицы судеб. Затем Кингу и Тиамат были убиты Мардуком, который вместе с Эа из крови Кингу и глины создал людей.

Кишар

В аккадской мифологии, согласно данной поэме, божество старшего поколения, порожденное Лахму и Лахаму. Вместе с богом Аншаром произвела на свет Ану. Данных о самостоятельном культе Кишар нет.

Лахама

В шумерской мифологии демоны водной стихии, созданные богом ЭнКи в Абзу. В данной космогонической поэме от брака Апсу и Тиамат появляются дети первозданной стихии, чудовища-божества, Лахму и Лахаму. Они сами становятся родителями Аншара и Кишар.

Лахму

Согласно данной поэме, божество, созданное из первозданного хаоса. В одном из поздних аккадских списков богов именем Лахму назван получеловек-полурыба, прислужник бога Эа — Кулулу, а кроме того, спутник богини-целительницы Гулы, имеющий вид получеловека-полусобаки.

Мардук

Главный бог вавилонского пантеона, хотя его имя по происхождению шумерское. Первые письменные упоминания о нем, как о божестве весеннего солнца, относятся к середине III тыс. до н. э., во время III династии Ура упоминается уже как покровитель

Вавилона. С возвышением Вавилонского царства в XIX — XVI вв. до н. э. Мардук постепенно занимает центральное место в иерархии богов и приобретает черты других божеств. Его супруга — богиня Царпанит, сын — Набу, главный вавилонский храм — Эсагила. Наиболее полно генеалогия Мардука представлена в данной поэме — он был порождением Эа и Дамкины, победил силы хаоса и мрака в образе праматери Тиамат, создал небо, землю и все живое. По его замыслу бог Эа сотворил человека. Начиная с XIV в. до н. э. в Ассирии Мардук постепенно сливается с местным богом Ашшуром. В нововавилонский период Мардук стал единой божественной силой, проявлявшей себя во множестве форм. Например, Нинурта — Мардук силы, Нергал — Мардук битвы, ЭнЛиль — Мардук власти. Символом его был серповидный топор и дракон Мушхуш. В астрологии ему соответствовала планета Юпитер и созвездие Тельца.

Мумму

В аккадской мифологии созданный в незапамятные времена советник праотца Апсу. Отличался коварным и свирепым нравом, подстрекал праотца уничтожить молодое поколение богов. Премудрый Эа убил Апсу и Мумму и присвоил себе его сущность и «лучи сияния», передав их затем Мардуку.

Нин

Госпожа.

НинМах

Также Дамкина и Дамгальнуна.

НинСун

Шумерская богиня земных недр, по эпическим сказаниям «О все выдавшем...» и по мифу «Гильгамеш и страна жизни» была матерью Гильгамеша. В прологе к законам Шульги она упоминается как мать Ур-Намму. Ее храм в Уруке назывался Эгальмах.

НинУрта

В шумеро-аккадской мифологии бог войны, охоты и рыболовства, растительности и плодородия. Вместе с

тем бог утреннего солнца, милостивый, исцеляющий и всепрощающий. Почитался вместе со своим отцом ЭнЛилем в Ниппуре. Очень близок по генеалогии и функциям с НинГирсу, возможно это разные ипостаси одного бога. Со старовавилонского времени супругой НинУрты была богиня Гула. Его культ процветал в городе Кальху и в Мараве. Как бог войны он весьма почитался в Ассирии. О НинУрте сохранились аккадские поэмы «Владыка в сиянье великом», «Созданный по подобию Ана», «Путешествие НинУрты в Эриду», «Миф о птице Зу». В астрологии ему соответствовала планета Сатурн и созвездие Ориона.

Сумукан

Также Шаккан. Шумеро-аккадское божество, отвечающее за растительную и животную жизнь в долинах. Получил власть над животными от ЭнКи. Представлялся одетым в шкуру или нагим. Упоминается в мифе «ЭнКи и мировой порядок».

Тиамат

В аккадской мифологии является первозданной стихией, воплощением хаоса, олицетворением соленых вод океана. Согласно данной поэме, Тиамат представляется супругой Апсу и праматерью всех богов. Среди ее порождений были Лахму, Лахама, Кингу, от которых произошли другие поколения богов. Тиамат была убита Мардуком, рассекшим ее тело на две части. Из одной части он сотворил землю, а из другой — небо. Часто Тиамат изображалась в виде дракона или семиголовой гидры.

Ур

Известен в Библии, как Ур Халдейский. Один из древнейших в мире городов, основанный шумерской цивилизацией. Располагался не далее 20 километров от первого города Эриду. В городе Ур, родился библейский Авраам — родоначальник основных мировых религий (Иудаизм, Христианство, Ислам).

Урук

Также Унуг, библейский Эрех, греческий Орхоя. Современный посёлок Варка в 65 км к северо-западу от иракского г. Насирия. Древний город в Нижней Месопотамии. Урук был центром шумерского культа бога неба Ана и богини Инанны, храм, посвященный им назывался Эанна. В XXVII — XXVI вв. до н. э. при I династии Урука, родоначальником которой считался бог Солнца Уту, правили легендарные цари Энмеркар, Лугальбанда, Гильгамеш. В XXIV в. до н. э. при Лугальзагеси Урук был столицей Шумера. После завоевания Саргоном Древним в конце XXIV в. до н. э. Урук вошел в состав его державы. В конце XXII в. до н. э. царь Утухегаль создал объединенное «царство Шумера и Аккада», после его смерти власть перешла к Ур-Намму — основателю III династии Ура. В VIII — VI вв. до н. э. Урук был в составе вавилонского, затем ахеменидского и селевкидского царств. В III в. н. э. разрушен Сасанидами.

Ур-Шанаби

В шумерском подземном мире перевозчик через реку.

Хумбаба

Вавилонский и новоассирийский аналог шумерского Хувавы. Хувава (акк. Хумбаба) — в шумеро-аккадской мифологии хранитель вечнозеленых (возможно поэтому бессмертных) кедров. В шумерском эпосе «Гильгамеш и страна жизни» Хувава называет гору Хуррум своим отцом и матерью. Возможно в этом нашло свое отражение знакомство шумеров с хурритами. Хувава представлялся в виде многоногого и многорукого существа, окружённого семью магическими лучами, которые как-то

связаны с кедрами. В момент пускания луча кедры, по-видимому, становятся уязвимыми, их можно срубить и тем самым уменьшить силу Хуававы.

Шамаш

Бог Солнца в аккадской мифологии, сын Сина, бога Луны, брат богини Иштар, его супруга Айя, посол Бунене. Шамаш почитался как всевидящий и всезнающий судья человеческих деяний. Считалось, что ночью он спускается в нижний мир, принося туда свет, пищу и питье. В Сиппаре его храм назывался Эбарра. Его считали покровителем прорицаний. Иногда изображали в виде старца в зале суда. Хаммурапи поместил облик Шамаша на стеле с законами.

Эа

Также Эйа; шумерский ЭнКи — Господин земли. Один из трех главных богов шумеро-аккадского пантеона. Является сыном Бога Ану и братом Бога ЭнЛиля. Бог плодородия, хозяин мирового океана поземных вод Абзу, владыка божественных существей ме, носитель культуры и творец мировых ценностей; он создал плуг, мотыгу, форму для кирпича; изобрел огородничество, садоводство, медицинские травы. ЭнКи наиболее благожелательно из всех великих богов относился к человечеству. Он единственный сообщил Зиусудре о решении богов наслать на землю потоп. Покровитель города Эриду. Почитался также хеттами и хурритами. Супруга ЭнКи — Дамгальнуна (также Дамкина, НинМах), сын — Бог-целитель Асалдухи (позднее идентифицируется с Мардуком), дочь — богиня Нанше. Посол — двуликое божество Исимуд. Согласно данной поэме, Эа победил праотца Апсу и на месте его гибели воздвиг себе дом, где Дамкина родила прекраснолицего Мардука.

Эана

Храм бога неба Ану и его дочери Иштар, главный храм Урука. В Шумере храмы были обычно окружены хозяйственными постройками, где держали урожай с храмовых имений; эти постройки сами считались священными.

Эгальмах

Храм богини НинСун в Уруке.

Эн

Господин.

ЭнЛиль

Один из трех главных богов шумеро-аккадского пантеона. Бог воздуха, ветра. Является сыном Бога Ану и братом Бога ЭнКи. Согласно древним мифам, ЭнЛиль отделил землю от неба. Так же считается что именно он насылает на людей стихийные бедствия. Исходя из текстов «Эпоса о Гильгамеше», является одним из главных организаторов «Всемирного потопа» для уничтожения всего человечества. Супругой ЭнЛиля, считается Богиня НинЛиль. Главный храм ЭнЛиля находился в Ниппуре и назывался Экур.

Эрешкигаль

В шумеро-аккадской мифологии владычица подземного царства, сестра и соперница Инанны (Иштар). Судя по мифу «Гильгамеш, ЭнКиду и нижний мир», Эрешкигаль получает подземное царство в качестве «подарка». О власти богини подробно рассказывается в шумерском мифе «Нисхождение Инанны в нижний мир» и в аккадском тексте «Нисхождение Иштар». В вавилонском мифе «Нергал и Эрешкигаль» говорится о том, что ей пришлось разделить свое владычество над подземным царством с богом Нергалом.

Эриду

Также Эреду, Эридуг, Урудуг. Первый город на всей земле, построенный шумерской цивилизацией.

Перед «Всемирным потопом», Эриду был местом престола небесного царствования. Именно с этого города начинается отсчет шумерских допотопных царей, первый из которых был Алулим (Адам, Адапа), который являлся первым сыном Бога ЭнКи. В Эриду так же располагался первый шумерский и главных храм посвященный Богу ЭнКи.

Знать больше

Данная книга является кратким сборником древних текстов, для самостоятельного поиска истины. Если же, вас интересуют примеры раскрытия истины и факты о происходящем, то вы сможете найти их в книге «Сібит. Пища для ума».

06.02.2017

КТО В ДУХЕ – В ТОМ ДУХ

51415251852251212520